

Листок. АБГ

литературно-аналитический

Периодическое издание союза "Ассоциация литераторов - АБГ" и лито "Молот О.К." (Тбилиси, Грузия)

±41°

Специальный выпуск – приложение к журналу
"Русский клуб", – приуроченный к Шестому
Международному русско-грузинскому поэтическому
фестивалю "Во весь голос" (13-22 июля 2013 года)

БАКУ расположен на 40° 22' северной широты.

ЕРЕВАН - на 40° 11' северной широты.

ТБИЛИСИ - на 41° 43' северной широты.

41° - это - 40 дней, 40 ночей, 40.000 братьев, 40 сороков, сорок лысых, сорочка, сором, храм, а тут еще один лишний кол ставится без колебаний поверх всего и ничего подобного.

Игорь ТЕРЕНТЬЕВ "Трактат о сплошном неприличьи"

41° градус - это столица, где мы все заблудились.

Тициан ТАБИДЗЕ

41° - это на один градус больше, чем крепость водки, которую пьют на юге.

Гастон БУАЧИДЗЕ "Через 41°"

Большинство великих светоносных городов - Мадрид, Неаполь, Константинополь, Пекин, Нью-Йорк - расположены на 41°. Иисус провел в пустыне 40 дней; Заратустра - тоже; из 41-го дня они вышли окрепшими. 41 является

символическим числом.

Илья ЗДАНЕВИЧ

СТИХИ

АНАР

Слушая "Аве Мария" в
Домском соборе Таллинна

Благословен ты, час разлуки,
Когда в слезах и мнимой муке
В законспирированной скуке
Склонятся над моим одром
В притворной, гулкой немоте
Все те же лица и не те.

И в Таллинне, и в Тарту я
нелеп и чужд, как статуя,
Среди живых и верящих
в Спасенье, в Чудо, в Божество,
и в то
что где-то в небесах
есть Существо -
Всепонимающе Оно.
Я ж - с миссией
в комиссии
кино.

И разговоры, и слова -
все те же:
про режиссуру, про типаж,
про конъюнктуру, про тираж,
про "синема", про "верит?",
Внизу, в подвальном этаже
визжит и воет варьете...

Я верю, верю, верую,
я обращаюсь к чужому Богу
и обрету чужую веру я,
и напишу про то, что верю,
в отеле "Виру".
Пойдут в свидетели ко мне
сам Длинный Герман, Старый
Томас
и Маргарита, и Пирита*,
И в день последний, в поздний час
у изголовья моего,
в прискорбье истинном склоняясь,
оплачет гроб мой Богоматерь.

* Длинный Герман, Старый Томас,
Маргарита, Пирита - архитектурные
достопримечательности Таллинна

Меня оплачет Богоматерь,
как сына с странною судьбой.
И не осудит, и не скажет:
ведь ты не мой, ведь ты чужой.
- Мария, девочка моя!..

Оседланы в дорогу кони.
В моем окне, как на иконе,
в последний час, в последний миг
я вижу свет - Марии лик.
Я жил под лай,
умру под вой
Не твой я, девочка моя.
Клянусь тебе - я только твой.

Но что за блажь
и что за вздор,
и что за глупый разговор!..
И раздвоенье, и раздор.
А все уж сказано судьбой:
ты должен жизнь свою прожить
и похоронен должен быть
лишь там, где свой ты, не чужой.

Я знаю, знаю это, Боже,
мое, свое - и дом, и дым,
и кровь, и боль,
и хлеб, и соль,
и все же -
в последний миг
Марии лик
хочу увидеть.
И верю я,
что в скорби надо мной склоняясь,
оплачет тихо иноверца
в последний день,
в последний час -
Мария...

Сиявуш
МАМЕДЗАДЕ

* * *

Скала не знала, что она - скала,
об имени своем не ведал ветер,
и на еще не названной планете
природа безымянная спала.

Но долгий срок безгласности истек,
и вот явился Некто из безвестья,
цветы и травы, камни и созвездья
он именами звучными нарек.
Дышал Глагол природою самой,
и не было еще начала бедам,
покуда свет не называли тьмой,
покуда тьму не величали светом.
Но сколь ни много пламенных религий
на древних рубежах добра и зла,
скала не знает, что она скала,
и сущность остается безъязыкой.

БАКИНСКИЕ ОГНИ

*Евгению Девис с благодарностью,
в память о старом Баку*

...О, старые киносеансы:
Дуэли, шпаги, дилижансы,
Жерар Филип и Жан Марс
(А также "Ленин в Октябре")...
Веселая была эпоха -
Срывались с лекций мы гурьбой,
А нам до "Красного Востока"
Тогдашнего - подать рукой.
В фойе, остывуши маленько,
Был наш филфак заморожен,
Когда неспешный вальс Петренко
Струил волшебный саксофон.
Оркестр был вполне серьезный
И, выше всяческих похвал,
Над ним бакинский Эдди Рознер -
Ахмедов Тофик колдовал.
На радость публике, на зависть
Филологических девиц,
Почти подмостков не касаясь,
Вплывали вы из-за кулис.
Вверху катились "дилижансы",
Зал замирал среди темноты,
Вы пели по-азербайджански:
"Ай ба-атды, гюн гаралды...*"
Баку любил, шутил, смеялся,
Со всеми пил на брудершафт.
Таким он был, таким остался -
Мишень сегодняшних неправд.
В кино давно уж не хожу я,

* "Луна зашла, сгустилась тень..."

В дела мирские погружен,
Но в сердце, плача и тоскуя,
Поет забытый саксофон,
А вас вокальная дорога
Союзом бывшим повела,
И песня из того "Востока"
Почти полмира обошла.
Ах, сколько пето-перепето!..
Ах, сколько пройдено дорог!..
Примите знак любви поэта -
Букетик запоздалых строк.
Я говорю: дзенькую, пани,
За эти песенные дни,
За то, что в сердце сквозь туманы
Горят "Бакинские огни"!..

КРИК (кадр телехроники)

Он был такой пригожий, молодой.
Неважно кем -
абхазом иль грузином.
Зажав лицо дрожащею рукой,
Зашелся криком страшным
и звериным.
И по тому, как черная печаль
Его скрутила, все еще живого,
Я понял: в нем уже
гнездилась смерть
Куском свинца, железа иль чего-то.
Как страшно было
на него смотреть...
Пронзительно отчаянная нота,
В которой все -
проклятье, плач и вой,
И удивленье: я... такой пригожий...
Такой неповторимо молодой...
Меня... За что меня...
За что, за что же?..
За что земля померкла предо
мною?..
Его однополчане волокли
На одеяле - не нашлось носилок,
Землей родимой, в гари и пыли.
Рванулся было, чтобы
встать насилу...
Но - рухнули родные небеса
В раскрытые безумные глаза.
А жизни оставалось полчаса...

...Я вспоминал магнолии Сухуми,
Улыбку друга моего Мушни,
И гордую осанку друга Джумы,
Стихи, которым войны не нужны,
Платаны на проспекте Руставели,
И песню о Тбилиси в тишине,
Карло, Нодара, вкус "Ркацители"
И шапку кахетинскую на мне.

Алина ТАЛЫБОВА

БИШКЕКСКИЕ МОТИВЫ

I.
...Империя - осколками. Снега.
С трудом я различаю берега
Ушедшей эры. Ледяной музей,
Хранительницы остов. Из костей
Архара прорастает космодром
(Во что, признаться,
верится с трудом,
Но факт есть факт...)
На смутном полотне
Она шагнула вновь навстречу мне -
Чуйковская рабфаковка. Кумач
Косыночки от солнца хрупок.
Вскачь
Припустит время, только лишь века
Свистят в ушах... Европа далека.
Но близок Бог - особенно в степи,
Где звезды вбиты в небо, как колки
Для струн кобузных. У одной из юрт
Волнуется впотьмах соседей гурт.
Спаситель новорожденный у коз
Находит вымя - смугл и раскос,
И дремлет у барана на груди.
Тысячелетья снега впереди.
И Млечный путь змеится, как коса
Киргизки - серебро и бирюза.
Лишь раз за вечность -
бегло, не всерьез -
Мелькнет над миром
солнца лисий хвост...

II.
...Ах, как пьется на травах чай!
Кыргызчаночка, не скучай!
Даже, если любви все нет,

А в кафешкины окна снег,
Что пришел из сырой степи,
Чтобы вылепить здесь свои
Арки, парки, мосты, дворы...
Воздух с привкусом шаурмы.
Мир, затерянный между лап
Крупных хищников.
Кабала,
Нано, мега - такая чушь!..
Машет крылышком Мулен Руж
Захолустный -
а на черта?..
Все проиграно дочиста:
Газ и золото, хлеб, меха,
И страна, что была широка.

Ах, журавлик бумажный мой,
Что ты плачешь над головой?..
Этнос водит такси и шьет
По обрывкам заморских мод
(Но сопит Китай в темноте -
У него контрафакт крутей.)
А батыры-то все в Москве,
А киргизочка здесь, в тоске.
Светит в сумрак лицо ее
Нежным ракушкиным нутром,
Льется музыка по плечам,
Рядом требуют коньячка.
Остывает на столике чай.
Не скучай -
разливай -
прощай...

Марат ШАФИЕВ

ОДНОЙ СТРОЧКОЙ

В год сурового плаката,
прозаических речей
полстраны заставил плакать
он над строчкою своей.

И забыт благополучно...
Но помянут этот год -
он из строчки самой лучшей,
как из праха, восстает.

Что-то там задел, наверно.
 Год железный, корневой...
 Ну, и он - очкастый, нервный,
 Не похоже, что герой.

* * *

Когда пришла похоронка,
 бабушка убрала икону
 и повесила на стену фотографию
 сына.
 - Прости мою бабушку, -
 затеплю лампадку перед
 Господом.
 Рядом - фотографии
 матери и сына.

* * *

На миг столкнулись, разбежались,
 но если в жизни что-то было -
 тот самый миг, который сжался
 до символа. И в этой были
 мы были. Истину достали
 руками.

В огненной купели
 не только руки обмакнули,
 но вдосталь сами искупались
 и почему-то не сгорели...
 Ненужная нам абсолютно,
 жизнь продолжалась,

еле тлея.

О, если б мы тогда посмели!..
 О, если б мы тогда сумели!..
 На сцене яркой, и - прилюдно...
 Как было б весело и круто,
 как было б здорово и мудро -
 как славно было б в самом деле.

* * *

Я зашёл лишь на мгновенье -
 будем думать, не убьют
 эти ветхие строенья,
 этот жалостный уют.

Этот мальчик босоногий,
 что меня не узнает -
 он, не знающий о Боге,
 с Богом в радости живет.

Пусть в неведенье счастливым
 пробегает стороной...
 Я предал тебя, мой милый,
 я виновен пред тобой.

* * *

Приходят слова,
 требуя смысла...
 Кто бы придал смысл
 моему существованию?
 Может, я тоже только буква
 в алфавите своего народа?..
 А хотелось быть целым словом -
 или, к примеру,
 восклицательным знаком...

Елизавета КАСУМОВА

МОЙ ГОРОД

Приедем к нашему городу с непривычки
 Покажется чужим и непонятным,
 Во многом необычным, экзотичным,
 И потому - достаточно занятым.
 Здесь церкви, минареты и мечети,
 И кирхи треугольная вершина,
 Шашлычные, кафе и магазины -
 Все перепутано в
 причудливом букете.
 Здесь листья винограда на балконах,
 В чарыках кучера на фаэтонах,
 Что по проспекту катятся с ленцой,
 Тутовника развесистые кроны,
 И ветер с моря - влажный и соленый, -
 Все составляет города лицо.
 Здесь в летний зной сидят
 в тени уютной
 И чай душистый тянут не спеша...
 Но кроме этих, внешних, атрибутов,
 У города есть главное - душа!
 Среди плоских крыш
 и куполов покатых,
 Среди ветвей цветущего граната
 Она парит, витает и поет.
 Она - в просторах моря необъятных,
 Она тому лишь до конца понятна,
 Кто в городе родился и живет.

Айдын ЭФЕНДИ

* * *

Дождь идет,
 падая на сердце и душу, и тело, и
 город,
 призрачный город,
 падая на мечети, церкви, синагогу
 и кирху,
 омывая дорогу мечты
 и воспоминанья,
 дворцы и вселенную,
 руки и звезды, глаза и лицо,
 жизнь и смерть, -
 все омывая, смывая,
 снося, унося -
 и память, и любовь, и надежду,
 и боль, и печаль.

Дождь,
 Дождь идет,
 Жизнь по капле иссякла,
 По капле размякла,
 Растворилась в тумане сыром,
 В сумраке города призрачного.
 Дождь идет,
 идет и поет
 старомодную песню
 о ворах и нахальстве,
 о горе и злобе,
 о друзьях и врагах,
 о том, что еще долго жить,
 что жизнь пересилит эту жизнь
 и даст новую жизнь.
 А пока что
 дождь,
 дождь идет,
 смывая, стирая,
 разнося, унося,
 и горечь, и боль, и печаль,
 утраты, потери, войну, смерти,
 голод и холод, лужи и снег
 над живыми и мертвыми,
 над домами и могилами,
 над морем и сушей,
 весь мир омывая,
 очищая.
 Дождь.
 Дождь,
 Дождь идет,
 И идет, и идет...

Ниджат МАМЕДОВ

*

Невозможность начала - одно из лучших начал.
То, что не имеет названия,
притаилось в уголках твоих губ, глубокой тени ресниц,
матовой коже,
готовое в любую секунду встрепенуться, как плод
в матке матери, как дух, пронзивший материю.
Для любящих поэзию не стоит вопрос о верлибре.
Утвердительный тон этих строк не есть желание
схватить ускользающее, он - очередной колышек
на пути приближения к исходной точке, которой,
в сущности, не существует.
Посему нам остаются радиус взгляда, мелкие жесты,
бытовой скептицизм, ставка на случай
(последнее превращает перст в персть,
плоть в плот, несомый ленивым
течением кажущегося...)
...Трепет. Тишина и терпкость, будто
послеполуденное солнце перекачивается в венах,
"и наслажденье писать -
лишь тень наслажденья былого".

**

Закат. Гилавар и дрожь базилика. У низкой стены
смуглый старик перебирает четки. Он
отличается лишь эфемерным именем от смерти. В его
небритом молчании звучит трехголосие: смех первой
женщины,
последние слова бродяги из Шарлевиля и гул крови
(гул медленной крови, гул медленной ровной крови).
К нему приближаются двое сутулых мужчин, наверное,
закурить.
Потом все трое уходят.
Улица пахнет пылью и детской беготней
(возможно, это чужая фраза)
В теле объявленного прогнозом ветра -
зигзаг на зигзаге; и все еще пульсирует минута,
когда старик был наедине с собой.
Блатная окраина (тут для предотвращения инерции
требуется какой-то иной, несуществующий знак
препинания) - думаю, тебе бы понравилось...

Запах влажной земли.
Октябрь прежде всего проступает
в коже запястий и сгибе локтей.
Птица парит над поселком.

Голоса в отдалении: женщина, мужчина, женщина.
Вкус тутового варенья...
И непрерывность светлокештановых,
темнокештановых
широких прямых бровей тюркских девственниц.

Впрочем, с любого места:
снег и
запах бессонницы.
Вино было в меру сухим, ты -
в меру влажна.
Теперь между нами пыль и прах,
соль на наших губах.
Взмах ресниц
и распахиваешь окно,
протягиваешь ладони, сложив их вместе
в молитвенном жесте.
Хлопья снега летают и тают в лабиринте
на подушечках твоих пальцев.

Чертежи облаков, близкий шепот дождя.
На веранде, курю.
Мнится: "раскроен, как книга".
Да, те незабвенные кадры, когда
крыша и ветер, и мальчик,
потом взгляд к раковине, потом - к груди,
типа "вижу, значит, живу".
Северо-западный ветер
(ни цапли, ни сокола) странствует
в листьях. Дождь наполнит колодец.
Колодец напоит дождь.
Мальчиком женщины из села
водили меня на кладбище "вылить переполох"
к могиле святого (был забит до смерти).
Теперь ни женщин, ни страха.
Закуриваю следующую.

За рюмкой текилы с друзьями
обмолвился: каждый в любой момент
может написать гениальное стихотворение.
Вот почему сейчас я пишу это,
еще не зная, чем оно завершится,
(хотя
является ли завершение стихотворения
Завершением - с заглавной буквы,
а начало - Началом?..)
Мы просто пьем, говорим, греемся.

Мы в середине зимы и просто
в середине. За окном бара стужа,
а нам здесь тепло и мы -
друзья. Разве этого мало?..
Замечу: это стихотворение
абсолютно бездарно,
оно никакое.
Что и требовалось доказать.
Точнее, показать.
Доказывать нечего. И некому.
Может, только себе...

Изумруд КУЛИЕВА

(Азербайджан - Россия)

ГОРОД ДЕТСТВА

Город детства...
Далекий и призрачный город огней,
Где цветут на камнях олеандры и чайные розы,
виноградной лозою прозрачной
остался ты в песне моей,
над которой лениво кружатся тяжелые осы.
Город вечных ветров
и гудящих приборов морских,
и взмывающих в небо, застывших в ночи
минаретов,
закопченных, усталых, зовущих нас труб заводских,
Город вечного солнца и черного знойного лета...
Весь просоленный насквозь
и пахнувший нефтью прибором,
и мазутные темно-лиловые заводы в бухте...
Я от вас далеко, только все это было и будет,
дай-то Бог, еще будет
когда-нибудь рядом со мной.
Как судьба немила,
как оно беспощадно, прозренье.
Я в другой стороне,
среди белых завьюженных зим...

Обгоняя друг друга, спешат
одинокчество и невезенье.
И куда-то лечу,
не тебе я подвластная - им.
В непонятной тоске
все кружу, все пытаюсь взглядеться
В то, что так далеко, за десятком
колец годовых...
И сжимается болью мое виноватое сердце -
Я в долгу перед теми, кто жив
и кого нет в живых.

Фариза БАБАЕВА

НА УЛИЦЕ

Прошел в синем чиркнул спичкой взлетела птица
Рванулся ветер она помахала штанга слетела
С троллейбуса громко рассыпались бусы
Кто-то запустил мячик в зеленую крону
Сломалась ветка (они целовались
под деревом этим)
Бросился в черном наперерез машинам
Торопится школьник портфель тяжелый
Рыжий лист на моей ладони
Ползет муравей обегает все пальцы
За ним просвет в голубом пространстве
Летит самолет куда-то в небо
Крошечный слон под стеклом лобовым
Тоже взлетает шофер рулит вправо
Я наклоняюсь соответственно влево
Моя нога коснулась чьей-то
Черешни белые в кульке мелькнули
Часы стоят отдыхают стрелки
Они поздоровались лопнула шина
Зажегся красный стоит колонна
Развевается флаг гуляет ветер
Я наклоняюсь влево и вправо
Рука в кармане ищет мелочь
Желтые туфли проходят мимо

С азербайджанского

Чингиз
АЛИОГЛУ

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Этот город,
как невод,
из узеньких улиц сплели.
Чешую неведомых рыб
ночью светятся окна.
Его жители древние
некогда вышли из моря.
Что-то есть от русалок поэтому
в девушках здешних.
Крыши плоски, как палубы, -
хоть паруса поднимайте.
Спят кораллы под городом,
словно приросшие к днищу,
И бегут только улочки,
вьются и в море впадают...
Но когда-нибудь
время наступит
и спустится в море
этот город, и примут его,
заволнуются волны.
Словно мачта, над ним
закачается Девичья башня.
И сойдутся тогда
на вершине ее
в рукопашной
пламя, взятое с берега,
с вечно бунтующим ветром.

Перевод

Валентина ПРОТАЛИНА

* * *

Я
песчинкой, барханом, горой,
Я
зерном и побегом в саду,
Я
порогом, следами, тропой,
Я
избой, кишлаками, страной,
искрой, вспышкой, кострами,
звездой в тебя войду!

Перевод Николая ГОЛЯ

ВЫСОХШАЯ РЕКА

Когда-то было здесь купанье
детворы,
мытье ковров погожим
воскресеньем,
здесь буйволы, спасаясь от жары,
как валуны, лежали по течению.

А на заре весной,
под крики петухов,
река проснется вдруг -
настало время! -
и вырвется из каменных тисков,
круша дома,
заборы и деревья.

Давно прошли те дни -
теперь между камней
невзрачной струйкою журчит
спокойно.
А люди все ж, по доброте своей,
зовут ее по-прежнему рекою...

Перевод Петра СЕРЕБРЯКОВА

АНАР

Два стихотворения,
написанные в канун нового
тысячелетия

1. Пессимистическое

Кто в ледяной ночи
своей ледяной рукой
в окна мои стучит:
ветер ли, смерть ли -
кто?..
Жизнь осыпает дни,
словно чинар - листву,
Ночь накрывает мир
крышкой гробовой.
В долгой зимней ночи
глядя в слепую тьму
жизни моей на краю,
на предпоследнем углу -
Сердце возьмется опять

лгать, что, мол, прорастет
синий надежды цветок
сквозь мертвую
роскошь венков
на свежем могильном холме.

Как будто из тьмы времен,
из вьюги небытия
плыть, обернутся вспять
годы мои опять.
И станет память мерцать
в ночи негасимой звездой.
Сердце на прошлые дни
то снова идет войной,
то заключает мир...
Ночь промелькнет как миг,
на нежность отпущенный нам,
и прорастает в ночи
утро - а с ним обман,
что мы именуем
"жизнь".

2. Оптимистическое

...И десять лет пройдет, и сто,
И миг, и век, и день, и год.
По капле месяц истечет,
Завянет это вот число...
И неизвестно почему,
но дрогнет голос на ветру.

Я - пленник века моего,
Я - песня века моего.
Все, что имею, чем болею:
Все рифмы,
чувства,
мысли,
сны
мои - его,
его - мои.

Закрываю, как дверь, столетье,
покидаю тысячелетье.
Покидаю, как дом пустой,
как страну, где был молодой.
А надежду свою и тоску
в новый век, как пожитки, несую.
И врагов моих черная желчь
не сумела пока меня сжечь...
Двадцать Первый -

мой новый берег,
я, ступивши в твою траву,
говорю себе: жил, живу
и век-другой еще поживу.

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

МОЛЧАНИЕ

Каждый год
В свой черед
Листья новые на ветвях
Зеленеют,
Трепещут, шепчутся.
Шебуршат.
А потом увядают.
Опадают.
Превращаясь в сухой листопад,
Пол ногами шуршат...
(А древесные корни
Сотни лет
Под землю молчат...)

Ветер в горах и ущельях
Гудит, навевая страх.
(А горы молчат.)

Селевые потоки
Гремят,
Все сметая...
А колодцы сухие
Молчат.

Бьются о скалы
Волны с белым оскалом,
А скалы
Молча стоят.

В небесах рвутся молнии,
Громы грохочут,
Будто небо обрушить хотят.
А звезды молчат...

Птицы щебечут,
Щелкают и стрекочут.
А гнезда молчат...

На площадях горлодеры
Зазывают людские своры.

В бубны бьют
И набат.
А в душе моей
Раны, хоть и больно ноют,
Но все же молчат!..

Перевод Мансура ВЕКИЛОВА

Кянан ГАДЖИ

* * *

Повсеместно на свете
на одном языке плачут дети,
на одном языке лопочут ручки.
А пред изумленьем детей
взрослые учатся молчанью,
на одном языке
молчат глубокие кладези,
дворники спозаранку
пытаются смести
тишину, набухшую тайной ночной,
шуршащей метлой.
Тишина нерушима вовеки,
звук и шум преходящи -
безмолвие вечно,
и любое безмолвие
в лоне лелеет своем
тайну.
Тишина повсеместно на свете
говорит на одном языке,
И со всеми на свете
на одном языке
вещает Господь.

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Фикрет ГОДЖА

О ПРЕДКАХ

Один был разбойником,
Но - благородным.
Другой был воителем -
Но благородным.
Третий был нищим,
Но - благородным...

Откуда ж в потомстве
полно подлецов?
Куда утекло благородство отцов?..
Вот что меня угнетает сегодня...

ЗАЧЕМ?..

Ворох алых гвоздик у меня на руках,
И кричат мне цветы,
задыхаясь в слезах:
- Зачем - сажал?..
Зачем - поливал?..
Зачем - растил?..
Зачем - сгубил?..
...Я лицо подниму
к ледяным небесам:
- Зачем - создал?..
Зачем - душу дал?..
Зачем - тело даришь?..
Зачем - убиваешь?..

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

САЛАМ

Линии

Ладони стариковских рук,
раскрытых перед гадалкой,
показывали всё то же самое:
"В 17 лет
найдешь свою любовь..."

Любовь

Бомж, каждый день собирающий
хлебные корки из мусорных ящиков...
на сей раз собирал
выброшенные увядшие цветы
своей подруге в подарок.

Мост

Сегодня я узнал, что
поверхность воды
и есть самый надежный мост -
никогда не обрушится, не упадет.

Тяжесть

Надгробье умершего силача -
последний камень,
поднятый над головой.

ЖитИе

В грозу забегаю домой,
в землетрясение выбегаю наружу.
Для перемещения
нет иных каких-то причин.

Мужчина

Хлеб, добытый тысячей мук,
делит дома каждый вечер -
каждому кусок:
детям, жене и себе,
и в мышеловку чуток...

Настроение

Тоскую...
мысли кружатся вокруг тебя,
хождением по комнате
я проторил тропу
на паркетном полу.
Порой по "тропинке" той
на велосипеде катается
мой маленький сын.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

**Вагиф
САМЕДОГЛУ**

* * *

...Вот бы дерзкий хазри
приподнял
хоть на миг
край девичьих одежд -
чтоб хоть мельком взглянуть:
мир все так же хорош?..

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

СКАЛА

Хазар ушел. Иссохшая скала,
Как прошлый век, поникла,
спину горбя.
А долго ли без моря прожила -
Кто может знать?.. Кто знает
возраст скорби?

Хазар ушел. Иссохшая скала -
Последний след мелеющего моря.

Не буря ль нам на память отдала
Волну, окаменевшую от горя?

Роняет годы-камешки скала,
Она все меньше, меньше
год от года.

Она однажды станет так мала -
Швырнут и птиц прогонят
с огорода...

Перевод Владимира ПОРТНОВА

Назир РУСТАМ

* * *

Я случайного дерева ржавый листок,
Что, шутя, ветерок на бегу оборвет.
Я - очаг без огня в чьем-то

доме пустом,
Кровля ветхая эта,
что рухнет вот-вот!..

Был я главной надеждой
для мамы с отцом,
Но, шутя, растерзала мечты
мои боль.

Был когда-то и я
удальцом-молодцом,
Но согнулся и высох
в разлуке с тобой.

Я - забытых ашугов
забытый рассказ,
Я - бессмысленный пепел
остывших углей,

Я - всего только пара
заплаканных глаз,
Чтобы, вечно тоскуя, смотреть
тебе вслед.

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

**Рафаил
ТАГИЗАДЕ**

* * *

Заброшенная дача
ни стука, ни звука
на даче бесхозной
инжир пожелтевший
прижался к забору

тяжелым замком
запечатаны двери

не слышно дворняги
что с лаем бросалась

молчит самовар
и не скрипнет
кроватьная сетка

ведро проржавело
подгнила ступенька
мангал во дворе
остывает, забытый

а комната вспомнит
как плакал младенец
и шепот влюбленных
перед рассветом

и зябнут в углах ее
тени хозяев
давно перебравшихся
в город огромный

и память о прошлом стирая,
трепещет
записка под ветром осенним
на створке
высоких ворот:
"Продается... Мобильный:..."

**НА ОСТАНОВКЕ
ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ**

остановка
осенний вечер
листья высохшие кружатся
в танце с ветром,
платан облетевший
прорастает тоскою в сердце

время встало
на остановке
и во тьме твоих глаз подведенных
силуэт любви облетевшей

распахнувши двери в разлуку
ждет тебя
подошедший троллейбус

Переводы Алины ТАЛЫБОВОЙ

ПРОЗА

Гюнель АНАРГЫЗЫ

ЗАВТРА

Вчера я влюбился.

Лежа с закрытыми глазами, я почувствовал, как она нежно взяла мое запястье и проверила пульс.

Дыхание было близким, а теплота, исходящая от рук и груди, непередаваемо притягательной. В тот самый миг я ухватился, как мне показалось, за кончики ее пальцев, она, вздрогнув, отпрянула. Открыв глаза, я увидел ее испуганное лицо. Тогда я понял беспомощность человеческого существа и влюбился...

Три дня назад я грустил.

Сидя на веранде, я смотрел на уползающие вдаль желтые квадратики окон. Когда они растворились в вечернем сумраке, послышался прощальный гудок электрички. Остались темно-фиолетовое небо, мерцающая звезда в вышине и грусть оттого, что мне никогда не удастся познать суть бесконечности...

Неделю назад я был сильным.

Сидя у пруда, ровно 4 часа и 23 секунды, я, не отрываясь, смотрел на гладь зеленой воды.

Над прудом роились мошки. Они искушали мне ступни ног, мочки ушей и нос, но я не шелохнулся, чтобы не спугнуть снизошедшее до меня откровение. Я был стоек и непоколебим. Я был сильным...

8 дней назад я был добрым.

Надкусив сочное яблоко и едва успев насладиться его вкусом, я заметил наблюдающую за мной со второго этажа старушку из 8-й палаты. Я был во дворе, она наверху. Поднявшись по лестнице, я осторожно положил надкушенное яблоко перед одной из дверей. Потом отошел и, перепрыгивая через ступеньки, сбежал во двор. Так я стал добрым...

13 дней назад я был красивым.

Мне подарили пижаму в синюю полоску и серые тапочки. Я переоделся и подошел к никелированному набалдашнику у изголовья кровати. Там я встретился с собой после долгой разлуки. Я был бородатым, худым и значительным. Оказывается, я был красивым...

Две недели назад я плакал.

Стоя под струями холодной воды в душевой, я плакал. Слезы, словно змеи, извивались, ползли по моему голо-

му телу, и я удивлялся тому, что они никак не кончатся. Одна слезинка, изогнувшись, повисла на кончике моего указательного пальца. Слизнув ее, я почувствовал, насколько она безвкусна. Словно вся моя жизнь...

Месяц назад я был несчастным.

Меня привезли в больницу и уложили на холодную койку. Я долго что-то рассказывал, объяснял, и меня никто не перебивал. Потом я догадался, что меня просто не слушают. Это было самое страшное, что могли со мной сделать. Так я стал несчастным...

Сегодня я был счастливым.

Глядя на солнце, выглядывающее из-за листвы дерева, я щурился и ни о чем не думал. Теплые лучи грели мои волосы, лоб и плечи. Было тихо, и только шелест листвы напоминал о том, что я живу. В это мгновение я почувствовал, что значит быть абсолютно счастливым...

Завтра меня не стало.

Завтра я умер, чтобы родиться вновь...

Елена АНДРЕЕВА

ПУТЬ К ПТИЧЬЕМУ СЕРДЦУ

Это был попугай. Самый обычный волнистый попугайчик, разве что крупнее положенного. И поярче оперением. Впрочем, в попугаях Севда не очень-то разбиралась. У нее никогда не было попугаев. В разные годы жизни были кошки, собаки и даже черепашка. Но после того, как их всех не стало, Севда дала себе клятву больше не заводить никаких животных... А этот попугай сам влетел через раскрытую форточку, сделал по комнате круг и спокойно уселся на люстре. Не выгонять же бедную прибившуюся птаху на улицу? Прогноз обещал на сегодня мокрый снег. Какое-то время они молча разглядывали друг друга - попугай смотрел на нее сверху черными глазами-бусинками, склонив голову набок.

- Ладно, посиди пока там. Я сейчас, - сказала Севда и помчалась к соседке.

- Ты не одолжишь мне клетку? Она у тебя все равно пустует.

- Хомяка, что ли, решила завести? - прищурилась соседка.

- Попугая. И, похоже, что это он решил завести меня. В качестве хозяйки.

- Да ну! Чем кормить-то, знаешь?

- Разберусь. Ты клетку давай, пока он мне всю люстру не изгадил.

Втащив клетку домой, Севда поставила ее прямо на обеденный стол, устлала дно клетки плотной бумагой, насыпала на нее хлебных крошек и налила воды в поилку, потом раскрыла дверцу и набралась терпения. Попугай не заставил себя долго ждать. Он слетел с люстры прямо на дужку Севдиных очков и начал болтать что-то вроде: "три подушки, три лягушки... палки-елки, елки-палки..." Севде пришлось сбросить птицу на стол вместе с очками. Попугай неловко приземлился на стол, заковылял по нему и, подойдя к порогу клетки, заглянул в нее. Вот тут-то Севда и втолкнула попугая внутрь, и захлопнула дверцу. Попка коротко пискнул, но, похоже, не обиделся на такую бестактность. Он поклевал хлебных крошек, попил воды и вскарабкался на самую высокую из жердочек. Стал разглядывать себя в круглое зеркальце, прикрепленное к прутьям. Прихорашиваясь, он что-то забормотал. Севда прислушалась. Речь попугая была тихой и неразборчивой.

- Эй! - Севда щелкнула по обратной стороне зеркальца.

- А что ты еще можешь говорить?

Попугай покосился на нее, помолчал немного и вдруг отчетливо продекламировал: "Идет бычок, качается... Наша Таня громко плачет... Вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой..."

- Забавный ты у меня, - улыбнулась Севда, - Только стихи у тебя какие-то детские, и в голове у тебя какая-то неразбериха, все мешаешь в кучу... А давай, я тебя лучше своим стихам научу! - и, прижав губы к прутьям клетки, она стала читать: "А зима никак не начиналась... фиолетовый зацвел жасмин..." Дальше было про каких-то овец, превращенных в шашлыки, и про поле цвета фейхоа. Попугай слушал стихи очень внимательно.

- Что, нравится? - спросила Севда, закончив чтение. - Это мои стихи, я сама их сочинила. Ну, повторай: "А зима никак не начиналась..."

...Под конец дня она просто выбилась из сил.

- Ты будешь за мной повторять или нет, глупая птаха?

- закричала Севда. - Мне не нужен такой упрямый попугай! Я тебя просто возьму и выкину!

- Делай, что хочешь, - ответил вдруг попугай раздраженным тоном, - но я не буду декламировать всякую дребедень.

От удивления у Севды подкосились ноги, и она чуть не села мимо стула.

- Что?.. Что ты сказал?.. - она чуть не захлебнулась от возмущения. - Да ты хоть знаешь, кто я такая?! Я - Севда Кадырова! Известная поэтесса! Меня весь город знает... ну, полгорода...

- Нет, не знаю, - холодно ответил попугай. - Зато я знаю Агнию Барто.

- Ты просто хам! У меня слов нет! - и она со слезами кинулась к соседке, жаловаться: так, мол, и так, попугай нахальный завелся, за поэтессу ее не считает... А соседка аж согнулась от смеха:

- Ну ты даешь! Тоже мне, нашла проблему... Возьми и накрой клетку чем-нибудь подходящим, так, чтобы он тебя не видел, только голос твой слышал. Попугаи - народ любознательный, на все отвлекаются.

... - Сейчас я устрою тебе "темную", - объявила Севда, набрасывая на клетку большой цветастый платок безвкусной расцветки, которым она обычно покрывала голову. - Ты у меня по-другому заговоришь!

- "Темную" ты сама себе устроила, - промолвил попугай из-под платка. - Прежде чем тонировать мою клетку, ты шторы на окнах раздвинь, проветри как следует комнату, вытри пыль везде... От дыма твоих сигарет у меня уже глаза слезятся...

- Еще какие будут указания? - с издевкой спросила она. - Ты начинаешь действовать мне на нервы!

- Мне тоже действует на нервы эта вялая морковка, которую ты просунула между прутиками, - парировал попугай. - Хоть бы дольку апельсина догадалась дать. Апельсины... Как давно Севда не ела их! А ведь они были любимым ее лакомством с самого детства...

На следующий день стол был устлан свежeweыглаженной скатертью, на столе стояла ваза с фруктами, а рядом - еще и бутылка шампанского! Да-да, Севда купила свое любимое шампанское, которого не пила, кажется, сто лет... Клетка с попугаем переместилась на подоконник, залитый весенним солнцем (мокрый снег так и не пошел), занавеси были широко распахнуты... Платок был снят, меж прутьев клетки были щедро воткнуты дольки апельсинов и яблок, да еще и уголек - от несварения желудка.

- Знаешь, ты кое в чем прав, - сказала Севда, подойдя к клетке с бокалом шампанского. - Поэтому я не буду мучить тебя своими стихами. Вот только одно прочту, про шампанское... - и она начала читать что-то нерифмованное, несвязное...

- Что же ты молчишь? - спросила Севда, прервав чтение. - Молчишь и все время смотришься в это дурацкое зеркало...

- Советую и тебе хоть иногда следовать моему примеру, - спокойно ответил попугай.

- В смысле - молчать? Или смотреть в зеркало?

- И то, и другое, - сказал наглец.

- А вот это уже совсем не твое дело! - рассвирепела она и выплеснула шампанское прямо в клетку.

- Bravo! Bravo! - прокричал попугай, отряхивая мокрые перья и слизывая с себя сладкие капли. - Меня еще никогда не купали в шампанском!

...Разыскав у себя в квартире зеркало, Севда долго и тща-

тельно протирала его, затем критически и не без грусти изучала свое отражение в нем. Потом раскрыла старый шифоньер и стала примерять платья и блузки, вышедшие, как ей казалось, из моды. Попугай, которого выпустили из клетки полетать по комнате, сидел на шифоньере и внимательно наблюдал за хозяйкой.

- Нет, не то... И это не то... Это совсем не подходит... - комментировал он.

- Ты же птица, - смеялась Севда. - Что ты во всем этом понимаешь?

- Я удивляюсь, как ты могла во всем этом ходить, - брюзгливо сказал попугай.

И тут она вынула свой совсем уже старый костюм, с юбкой значительно выше колен. И сразу же на нее нахлынула лавина приятных воспоминаний... Севде показалось даже, что она вновь ощущает запах тех самых духов, которыми пользовалась при первом свидании и при первом походе в ресторан. Это было очень, очень давно... Вот почему она сохранила этот наряд...

- Что же ты замолк? - спросила она. - Неужели одобряешь мой выбор?

- Я думаю, если ты это оденешь, тебе может снова повезти, - ответил попугай.

- Ты хоть знаешь, сколько мне лет?!

- А ты хоть знаешь, сколько мне лет? - парировал попугай.

"Что ж, стоит, пожалуй, подсуетиться", - подумала Севда. Костюм она немного разошьет, по своей нынешней фигуре. Передвинет пуговицы поближе к краю. А на голову?... На голову вместо поднадоевшего цветастого платка (безвкусовой расцветки) она наденет пикантную шляпку с верхней полки гардероба.

Спустя несколько часов Севда в новом своем обличье отправилась в парикмахерскую.

С этого дня попугай все чаще стал оставаться один. Он сидел на жердочке, смотря в зеркальце, и повторял заученные стишки, в том числе, и стишки своей талантливой хозяйки (жаль, что она этого не слышала). Однажды Севда явилась домой не одна, а с кавалером.

- Сейчас я познакомлю тебя с моим попугаем, - пообещала она, снимая сапожки в прихожей. - Очень надеюсь, что ты ему понравишься.

- Кому я должен понравиться? - удивился кавалер. - Твоему попугаю?

- Видишь ли, он у меня не такой, как все, он особенный...

Они вошли в комнату.

- А где же попугай? - спросил мужчина.

Клетка была пуста. Тут Севда вспомнила, что не заперла утром клетку и даже не вставила на место упавший уголек - так она спешила...

Они подошли к клетке. И тут Севда поняла, что не сто-

ит искать своего попугая где-нибудь в комнате. И вряд ли его стоит ждать обратно. На бумаге, устилающей дно клетки, было написано (тем самым угольком): "Я вспомнил адрес своей предыдущей хозяйки. Она модельер, и ей не обойтись без моих советов. Прощай. Будь счастлива. Самсон".

Хлопнула от ветра незакрытая форточка.

"Как стыдно, - женщина закусила губу. - Я даже имени его не знала..."

Яна КАНДОВА

СОРОК ДЕВЯТЫЙ

(Из цикла "Хищники")

Ник почувствовал неладное еще на пороге квартиры, когда вытаскивал из кармана ключ. Когда прикоснулся к двери, и она оказалась незапертой, он не удивился. В комнате слабо мерцал свет настольной лампы. В глубоком кресле у журнального столика сидел мужчина и молча попыхивал сигаретой. Ник вошел в комнату, не сказав ни слова, и, после приглашающего жеста мужчины, сел в кресло напротив.

Они молчали. Он ждал. Мужчина изучал его насмешливыми глазами человека, превосходящего его во всем. Он был весь в черном, выглаженный, вычищенный, волосы зачесаны назад. Бросались в глаза лишь руки с тонкими длинными пальцами, обтянутые черной кожей перчаток. Одна рука накрывала пистолет, лежащий на колене - лениво, предупреждающе. Он смотрел на Ника прищуренными глазами, то ли от дыма, то ли от близорукости, то ли от насмешки.

- А ты молодец, - сказал мужчина. - Собранный.

Он медленно затушил сигарету в пепельнице, затем поднял с колена пистолет и направил в сторону Ника. Ник даже не шелохнулся, лишь слегка прикрыл веки, смотря прямо в дуло.

Мужчина помедлил несколько секунд, затем опустил оружие.

- Знаешь, ты не такой, как все, - задумчиво сказал он, изучая взглядом Ника.

Выждав небольшую паузу и не дождавшись ответа, он хмыкнул и продолжил.

- Я уже много лет этим занимаюсь, а ты первый такой попался. А знаешь, сколько их у меня было? Сорок восемь. Ты - сорок девятый.

Он выждал еще одну паузу, вглядываясь в глаза Ника.

- Все сорок восемь были разные, но их объединяло од-

но - страх, нежелание расстаться с жизнью, правда, некоторые это искусно скрывали, но все равно расставались с нею. А у тебя нет этого страха в глазах, понимаешь? В них есть что-то другое... - именно оно не дало мне нажать на курок, и я должен узнать, что это. Может, ты сам мне расскажешь?

Убийца посмотрел на Ника в надежде хищника на то, что жертва покажет ему, где у нее самые лакомые кусочки, но жертва оказалась упрямой и бестолковой и смотрела на него как-то снисходительно, это уже начало его раздражать.

- Нет? - спросил он усмехнувшись. - Ну, ладно. Нет - так нет.

Снова поднялось дуло, нацелившись между глаз жертвы, которая снова чуть прикрыла веки. Хищник, так и не дождавшись ответа, выстрелил.

Уничтожив следы своего пребывания в доме, мужчина в черном вышел.

На мосту его ждал посредник.

- Сделано, - сказал убийца глухо.

- Все гладко? - буркнул посредник, протягивая конверт.

- Тогда расходимся.

- Поймай, - остановил его убийца. - Хочу спросить, хоть это и не по правилам. Кому он перешел дорогу?

Посредник посмотрел на него изучающе.

- Никому. Это его деньги. Он тебя нанял сам. Какая-то опухоль, кажется.

Кивнув ему на прощание, посредник растворился в темноте.

Убийца остался на мосту и простоял там всю ночь. Когда же на горизонте заалела заря, он, выбросив в реку сверток, развернулся и пошел прочь.

вашим детям, чтобы они передали своим детям, а те - своим и чтобы род не угас". И они поклялись (блности завет). И он покинул их. И они делали все (по его слову). И приходили новые зимы и лета, и (движимые неведомой силой) все дальше и дальше от моря уходили их жилища, и они не оставляли их, и все дальше и дальше уходили в пустыню. И многие из них в пустыне легли, уйдя к морю за пищей. И стало их мало, когда волны пустыни вынесли их жилища к морю. И они стали. И, обратившись к заветному берегу, увидели волны (пустыни), и, обратившись к морю, увидели волны (моря). И они уже ничего не знали...

НЕЖНОСТЬ

В каждую свою прогулку любовался мальчик на сизых парковых голубей. Так хотелось малышу подержать в руках одну из этих птиц; огладить радужно-отливные перья, выговорить теснящие ему грудь ласковые слова! Но пугливые птицы всякий раз отлетали прочь, стоило только ему к ним приблизиться. И однажды мальчик пришел с рогаткой. И, после безуспешных попыток, сумел-таки попасть из нее в зазевавшегося голубка - почти птенца, с не успевшими окрепнуть крыльями: птица судорожно дернула крылом и поникла в траву. Затаив дыхание, прикоснулся, наконец, мальчик к заветному, оказавшемуся теплым и податливо-мягким, птичьему тельцу с безжизненно-трепетной головкой; а потом, осмелев, взял голубя на руки и, поводя пальчиком по радужно-отливному пуху, говорил и говорил ласковые слова.

Ровшэн КАФАРОВ

ЗАВЕТ

(Скрижаль)

И многие ночи и дни шли они по пустыне. И многие из них в пустыне полегли. И стало их мало, когда, ведомые Пращуром, вышли они к берегу моря. И Пращур сказал: "Здесь жизнь, и здесь нам жить". И они стали. И возвели жилища на берегу, и нашли себе пищу в море. И новые зимы и лета пришли. И стало их столько же (сколько было вначале). И покинул их Пращур. И, покидая, сказал: "Не оставляйте ваши жилища, ибо руками вашими они возведены, и не оставляйте моря, ибо оно дало (даст) вам пищу. Помните и передайте

Марат ШАФИЕВ

Из цикла "РАС-СКАЗКИ"

Гулаговская "валентинка"

В вековой тайге выгрызали просеку. Было сразу понятно: с огромным флюсом, весь перепачканный зеленкой, этот фитиль долго не протянет, так же, как и здешнее, с воробьиный клюв, лето. Когда его лишали пайка за невыполнение нормы - подкармливал пахан - новенький ладно тискал романы про мушкетеров и Монте Кристо; распевал, закрыв глаза, запрокинув назад голову, стихи - что-то лилось, булькало, пузырилось и ускользало, не утолив до конца жажды. Вроде бы и знакомые слова, но словно оборотная сторона Луны - а все равно красиво.

Проку от него шиш да кумыш - отослали на кухню; хрипя, он рубил поленницу, взмахнул топором и упал замертво.

Там и делить-то было нечего: завшивленную одежду разорвали на полотерные тряпки, обложка толстой книги сгодилась на карты, остального Гомера запалили на самокрутки. На попавшем мне листе обнаружилась сболку отметка карандаша: "Мой дом рассыпался в прах, лодка тонет в пучине, но я бы ушел навечно счастливый, если только знал - хотя бы раз ты вспомнишь обо мне".

Более полувека минуло - почему это во мне очнулось?.. Любила ли этого доходягу какая-нибудь женщина? Наверно, полюбила бы, получив это письмо... Откуда в людях потребность - любить? Куда и зачем течет сквозь нас испепеляющее напряжение? Кто даст ответ?..

Беспрецедентный случай

- "Капитан Лэйн". - "Инженер Блейк". "Слушаем вас внимательно", - на мониторе важные шишки из Управления Космоса. "Планета тысяча девятьсот девяносто семь не нуждалась даже в термической обработке - выжженный до нутра красный песок, - докладывал Лэйн, старший по званию. - Минимум средств: озоновый колпак, дистилляция конденсата нейтронным реактором. И вдруг - органическая молекула!.." - Лэйн недоуменно пожал плечами. "И что вас остановило?" "Понимаете, сэр, беспрецедентный случай. За всю историю колонизации никогда ничего подобного. Потребовалась экспертиза, зеленые подали жалобу в Конституционный Суд. Пока то да се - спонтанная, прогрессирующая в арифметической прогрессии жизнь, во всем разнообразии, кишашая, плодящая и пожирающая друг друга". "Тут и без Суда ясно, что планета попадет под Конвенцию неприкосновенности, - рыкнула с экрана важная шишка. - Триллион ноодолларов - псу под хвост!.. Кто-то дорого за это заплатит!" "Пока свободны. Ах, да, инженер... Ваше молчание... Нечего добавить?" "В тот день заклинило биотуалет..." "Что вы там мямлите?.. Мы не понимаем". Блейк поворачивается к капитану: "Идиоты - я же просил их не мочиться в море!.."

Неправильный ответ

У входа на кладбище старик, стуча молотком, клал плитки. Поднимаюсь по узким каменным ступенькам в гору. Могилы - ухоженные и заброшенные, и со всех сторон меня провожают взгляды с фотографий, красноречивые взгляды так и неуспокоившегося душой народа: к кому?.. кто этот счастливчик, не забытый?.. Возвращаясь, перебегаю дорогу, днем перегруженную движением, и тут старик сквозь машинный рев кричит: "Сколько времени?" "Одиннадцать". "Сколько?.." "Одиннадцать!" - напрягаю я горло, ругая про себя чертового старика: не мог спросить, когда я находился рядом.

На следующий день в городе старик, поливающий цветы (под солнцем кажется, что из шланга вырывается радуга), спрашивает: "Сколько времени?..". Ох, уж эти старики - похожие друг на друга - никогда у них нет часов, живут себе в другом измерении. Я вытягиваю руку на башенку со стрелками: "Время под самым носом. Одиннадцать". Я думаю о совпадениях. Почему вопрос звучит снова и снова, словно я даю неправильный ответ. И вдруг осенило: меня спрашивают, не сколько - прибыло, натекло, настучало, а сколько... осталось.

Зеркало

...Впервые за десять лет столкнулся с зеркалом в непосредственной близости. Разучившись разговаривать с его образами, я растерялся, спросил что-то незначительное. Седой незнакомец отвечал, молча шевеля губами. Его ответ показался мне чрезвычайно важным, позавидовал искусству немых - читать по губам. Зеркала учат, что ответ не приходит с вопросом - они живут параллельно.

...Ручное зеркало страдало бессонницей. Когда бы я ни подходил, оно лежало с открытыми глазами и отражало мир. Я стал переворачивать зеркальце лицом к столику: "Отдохни". "Сплю, сплю", - но почему мне кажется, что зеркальце и тут проявляет свое своеобразие, отвернувшись от нас, на самом деле бодрствует и отражает изнанку мира?..

Я знала, что умру в июле,
Что август мой давно украден.

Вплетен в узор изящных козней...
Украден, вычеркнут... Не так ли?
Я знала, что умру в спектакле
Под этим ливнем. Ночью поздней.

Чуть слышный аромат арбуза,
Горчайший привкус анекдота
И стук дождя... я знала, кто-то
Стряхнет с уставших плеч обузу.

Я знала: в трепетно-лиловом
(Коварным августом пригрета)
Проснется улица..... ни словом
Не выдав моего секрета.

ПРЕДОТЪЕЗДНОЕ

...Этому зданию, может быть, триста...
В греческом... или каком еще стиле...
С самым придурочным видом туриста
Всех проходящих просить, чтоб простили.

Снова, в безумном неистовом танце
Где-то в метро с пассажирами слиться...
Слушая, слушая перечень станций,
Тихо влюбляясь в случайные лица.

Тупо уткнувшись в соседское чтиво,
Медленно в вечность уехать могла бы:
Юмор, реклама, кусок детектива...
Схема-паук, разноцветные лапы.

Грустно взлетела (на мячик ли, шар ли?)
Девочка... Так и качается хрупко...
Автопортрет... Виноградники в Арле...
"Девушка, это звонит Ваша трубка".

Вечным потоком снующие люди
Замерли вдруг для прощального фото.
Город, людей подносивший на блюде,
В жадном молчании спрятал кого-то...

А напоследок, плывущие лица
(В мутной реке, по мерцающей глади)
Хитро шепнули мне: все это снится,
Как снегопад... и зефир в шоколаде.

* * *

Все дороги ведут.... Это город, обратный Риму...
Ночью спал под дождем - долгий сон оказался вещим.
Посмотри, как смешно, как лениво вползает в зиму...
Он, конечно, любим, только все в нем пакуют вещи.

Отыскать бы крупинку смысла, нажав на поиск...
Вот прощальный унылый дождь на бульвары вылит.
Так хотелось взлететь.... ухватиться за птичий поезд -
На последней секунде всегда отменяли вылет.

То ли всплеск, то ли гул, ты прислушайся - это время.
Мы его осязали - вот остатки лиловой пыли.
Увязали в нем - пара мух в шоколадном креме...
По течению (или же против) блаженно плыли.

Пахло хлоркой... еще 100 метров... итог неважен.
Это контур вчера, это завтра неловкий абрис.
Вот и дверь, но на ней - ни глазков, ни замочных скважин.

Анаит ТАТЕВОСЯН

* * *

В этом мире есть города, до краев залитые светом,
Города, где хочется жить ярче солнца, звонче, чем медь,
Города, как сфинксы, тебя ожидающие с ответом,
А еще есть такие, где невозможно не умереть.

В ночь, когда среди туч зияла луна кровавою раной,
Когда Божий огонь ушел в небеса, сделав город тленным,
Я осталась лежать в крови у ворот Святого Романа,
Под крестом - эфесом меча Константина, сына Елены.

* * *

Во дворце базилиевса стоят на часах пауки,
И военную песню заводит сова под сводами.
Все сбылось, здесь отныне гуляют одни

сквозняки,

Эту трижды священную землю подмыло водами.

Так когда же обрушатся с неба огонь и вода -
Или кончились милость и пламя для здешних

мест?

Только с башни Галаты бок о бок видны иногда
Молодая луна и над Айя-Софией крест...

* * *

И дом вам тесен, и мир негоден,
 Томит надежда и мучит жажда,
 Кто по Грааль, кто по гроб Господень
 Все отправляетесь вы однажды.
 И в новом мире, где каждый точно
 Учтен, сосчитан и занесен,
 Сеть подвисает, и глохнет почта,
 И отключается телефон.
 Казалось, сжавшееся пространство
 Вдруг распрямится неумолимо:
 Пространству свойственно постоянство
 В стремление быть непреодолимым...
 И что вам, мальчики, не сидится?
 В огромном мире, за пядью пядь,
 По всем окраинам и столицам
 Не хватит жизни вас отыскать.
 А в мире старом года летели,
 То слух, то плен, то пропал гонец,
 Но, просыпаясь в пустой постели,
 Мы сердцем знали, что не конец.
 Век технологий - дурной советчик:
 Кто неведим, тот ответит за день,
 Чему свидетелем интернет.
 Гудки. Шипенье. Автоответчик.
 "Вне зоны доступа" и "не найден",
 И лаконичное "писем нет".

* * *

Розовый, словно в сошедшей навек заре,
 Рыжий медовой, полуденной рыжиной,
 Город, застывший в солнце, как в янтаре,
 Точно таким, каким его видел Ной.

Ластящийся, как теплый огромный кот,
 Лгнувший, зовущий - довольно, вернись домой,
 -
 Город, который так многих обратно ждет.
 Мой.

* * *

Снова взглядом свою провожаю звезду -
 Я отсюда когда-нибудь тоже уйду
 К эфемерным, неведомым сферам,
 Посох странника крепкой рукою возьму
 И накличу себе и тюрьму, и суму,
 И меня назовут Агасфером.
 Сколько стран ляжет под ноги, сколько дорог,
 Но до дрожи чужим будет каждый порог,
 И пойму, наконец, умирая,

Что искал сквозь столетья единственный день
 И пришел умирать под знакомую сень,
 Где - собою - был изгнан из рая.

Каринэ ХАЛАТОВА

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Светлой памяти известного армянского
 антрополога Нвард Кочар*

*"Теория оцущений" - заголовок с книжного
 корешка на библиотечной полке.*

Вместо эпитафии

Прихрамывающее тиканье часов в храме -
 Четвертая стрелка - века - отсчитывает,
 Точно прихожан отчитывает
 за сиюминутный порыв молитвы.

Настороженные стены.
 Вздрагивающее таяние свечей -
 перед бессмертием?
 Покойницы торжественное молчание
 перед отпеванием,
 (ладаном спертое дыхание),
 перед траурным звоном колоколов -
 Точно потуги надежды на еще одну репетицию
 недоигранной - главной - роли...

Отдам дань поминкам и вернусь
 к завтрашней неизвестности,
 Как подруга-покойница, принявшая непредвиденный,
 свой последний вздох и час.

Эхо смерти - посмертные речи
 спохватившихся общих друзей.
 Обмеры с прощально притихшего черепа
 снимают назойливые
 августовские мухи...

...ИЛИ ПРОГРЕСС В ГЕНЕТИКЕ

*На шпагах бьются ствольные клетки -
 Не клонируется субстанция души.*

Вместо эпитафии

Безобразничают на клеточном уровне,
 Будто душу сдали на биопсию,
 Будто, как печень, пристроили на стол мясника,

Будто плоть и кровь, как русла рек,
 повернуть вздумали,
 либо свернуть (Как? Или Куда?)
 И я сдаюсь... И сдаю свое брненное тело
 (по Завещанию, по Закону -
 не по Принуждению),
 Во все сдаю лаборатории мира
 (По тендеру)
 На службу Науке, а значит - будущих жизней,
 Я сдаю посмертно свое брненное тело
 На профессиональное растерзание эскулапов,
 моих душеприказчиков
 (за неимением под боком духовника),
 Сдаю во имя спасения изглоданной души -
 Увы! - у нее (да, именно завтра) лопнет
 То, что условно зовется терпением,
 И расплзутся по швам все будущие жизни...

Я сдаюсь... и сдаю свое брненное тело...
 Брненное тело... со сбежавшей душой...
 Говорят...
 Говорят, она
 Сжатым комочком обливалась слезами
 втихую за дверью Поэта,
 Скреблась, скрюченная, о полотно Художника,
 Затыкала уши даже под музыку... теперь уже
 Шнитке.
 Я сдаюсь вместе с брненным телом
 И с беспокойной беглянкой-душой,
 Сдаюсь все еще под музыку Шнитке -
 Куда и кому? Не знаю - не вижу:
 Ослепительное солнце пеленою застит глаза...

Елена ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

* * *

Письмо из пустых многоточий
 И смайлов. Расставлена грусть.
 Жесток. Откровенен и точен.
 Я письма твои наизусть
 Готова шептать по-шумерски,
 По-идольски лихо плясать,
 А утром реветь в занавески
 И листья платана бросать.

В них письма. Тому вон бродяге,
 Что верит в любовь и стихи.
 В траншейном своем он гулаге
 Рифмует рассвет и грехи.
 Сегодня он брат мне по крови,
 Со мною приветствует тишь
 Без счастья и теплого крова...
 G.mail... Ты опять молчишь...

* * *

На прищепке недочитанный "Кавказ" -
 Кизиловой водки морось.
 Гордец! Или горец! Мой уставший глаз
 Презрел в одночасье гордость.
 С верёвки стекает словесный сумбур.
 Окно, как скважина ночи.
 Прошлёпал по кухне один самодур.
 Тот, с луком. Без лука?! Впрочем,
 Не важная сказка. Она не про нас -
 Молчит сердечная полость.
 На прищепке сохнет уставший "Кавказ" -
 А это не русская волюсть.

* * *

Твоя и моя Вселенная
 из трех сезонов.
 Начало с конца.
 Мы без поклонов -
 Арай разрывали молнии.
 Мне снились рыбы,
 когда даже не выпал снег.
 А у тех черепах на Севане
 глаза зеленые-зеленые,
 как у тебя...
 Весной - все легче...

* * *

Ты, танцующий у мусорного бака
 и жующий чёрствую булку,
 ты сегодня счастливее меня.
 Ты не один - с тобою собака
 и я в окне, пьющая чифирь.
 Ты, танцующий дерзкий танец
 и манящий свободой,
 ты сегодня безумнее меня.
 На щеках умирает румянец...

Допеваю сто пятый псалом,
одиноко стою у Хорива
и челом к истукану
стремлюсь...
Я пуглива, наверно, пуглива -
я у края любви
и любви боюсь...

* * *

В этой лодке нас двое -
Я и тишина.
А в груди -
колокол-Терпсихора.
Волна за волной.
В шевелюре моей
свили гнезда стрижи
из мальков, ряски, икры...
На губах соль степей
без твоих поцелуев...
Сухие глаза.
Тишина Беловодья...

Сергей АНАНИКЯН

* * *

По паркету бродят тени,
Запах вянущей сирени
Льется в лунное окно...
В мире тихо и темно.

Чашка кофе, сигарета,
Полудрема, близость лета,
Томик Кафки под рукой...
Очарованный покой.

Что-то в мире изменилось...
Ты была? Или приснилась?
Или в сумрак голубой
Ты ушла?..
И Бог с тобой.

* * *

Благослови наш дом и вместе с ним
живущих в нем людей, зверей и кукол,
благослови терпение и скуку,
диван, торшер и сигаретный дым.

Благослови отсутствие любви,
картины, пыль, узор кофейной гущи,
благослови ушедших и грядущих
и не дошедших к нам благослови.

* * *

Все хорошо. Дела, мой друг, идут.
Я обнищал, я ни на что не годен.
Часы стучат, хотя еще не полдень,
еще далек какой-то страшный суд.

Мечты молчат, и дни мои пусты.
Но - предвкушаю праздник неминуемый:
как светлый Бог с хрустальной
горней кручи
уронит в мир весенние цветы.

Когда-нибудь... Ну, а пока темны
всё небеса отверженного века.
Звенит в ушах от будущей весны,
мучительно встающей из-под снега.

Снег падает, неудержимо так,
февраль сошел с ума перед кончиной,
но колокольчик веры

беспричинной звенит,
звенит, проклятый, жизни в такт.

* * *

Он говорит мне: "Время - это круг"
И тянет руку к золотому кубку.
Он - знает все, он -
мой любимый друг,
он носит френч и важно курит трубку.

И если вдруг тяжелый груз забот
роняет в душу горькое волнение -
то я, ища ответы на сомненья,
звоню ему в сорок девятый год...

* * *

Осень жизни... Жёлтый лист
Залетел на подоконник.
Сны - всё ярче... Старый сонник
Врёт... И ярко-золотист
Тихий вечер, скучный вторник...
Я налью себе вина,
Сяду в уголок дивана...
Удивительно и странно
Расставание с мечтой...
Во дворе сердитый дворник
Листья жжёт... Своей метлой
Подгоняя их к костру...
Листья пляшут на ветру.
...Скоро старость. Мир мой чист.
Ночь. Стихов любимый томик.
И мерцает пустотой
Будущее... Свой покой
Я найду на дне стакана...

* * *

Гадалка странная и тихая, скажи...
Светло солги, раскидывая сети...
Мне весело. Я знаю, что бессмертен,
Пьянит вино, колдуют миражи...

Ложатся карты в зыбкий полукруг.
И я, смеясь, твои целую руки.
Ты шепчешь о дорогах, о разлуке,
Зачем ты лжёшь мне,
мой наивный друг?

А я останусь здесь - всегда с тобой.
Раз нету жизни - то не будет смерти...
Лишь только мы... И сны...

И карты эти...
И ложь, что называется судьбой...

* * *

Мы книги древние листали,
но не нашли в них нужных фраз.
Мы догорели и устали,
и веры обманули нас.

Не говори: Пророка нету.
Верь и иди, пусть жизнь пуста...
Иуды странствуют по свету
и ищут своего Христа.

С армянского

Сона АМБАРЦУМЯН

* * *

Печали -
 тихие и непроницаемые.
 До пробуждения
 продержаться бы бодрой.
 Родные глаза и
 разные языки.
 Непорочная мысль,
 наполненная грехами.
 Бесшумные поцелуи...
 Цветок любви
 в цветочной пыльце.
 Жёлтые татуировки -
 следы жёлтых роз -
 на груди и ниже пупка...
 Здесь,
 у Исаакяна...
 Здесь,
 далеко от Исаакяна...
 Блеск в глазах...
 Слепые,
 бездыханные,
 молчаливые
 заросли
 удаляются и
 не возвращаются.
 Прежде чем заснуть,
 открой окно -
 тени ищут дом.

* * *

Улица соткана из шума,
 тишина
 из надежды.
 Непроходимый кустарник молчит -
 шипы... тряпки...
 капли крови.
 Не погасла надежда на жизнь,
 не поются плохие воспоминания:
 - Я закрою дверь,
 кричи, вой,
 вцепившись в землю...
 Бежать за поездом так,
 будто опаздываешь на свидание
 на пять минут.
 Из чего соткана надежда?

Переводы Елены ШУБАЕВОЙ-ПЕТРОСЯН

Эдуард АРЕНЦ

* * *

Отдаю Богу душу ежеминутно,
 И тут же - мигом рождаюсь впопыхах,
 Только на свет появляюсь по своему хотению,
 А на тот свет с вашей помощью ухожу.
 Смерть вчитывается в меня, как в поэму,
 А я - когда бываю живой - прикидываюсь поэтом,
 Нянюсь с болью - целую ручки
 Вечной капризнице - мол, ей без меня зеленая тоска.
 Жизнь - не читатель, да еще поэмы,
 А удача с поэтами вась-вась,
 Вот я и завис между ними -
 И как авансцена, и как герой, и еще как вокалист.
 Отдаю Богу душу ежеминутно,
 И тут же - мигом рождаюсь впопыхах...

* * *

Именно сейчас -
 как никогда раньше,
 извела нужда - в Боге.
 Раз уж Он есть,
 пусть именно сейчас -
 как никогда раньше,
 втихаря начну верить
 в святую легенду,
 мол, сын Его был
 такой же смертный, как и я,
 правда, он мог бы под себя
 подмять морские волны -
 ведь уже несколько лет
 я не просто шагаю -
 я рекорды побиваю по марафону
 над океаном Любви и Боли.

* * *

С молчанья ресницы
 Срываю по одному,
 Штопаю молитву свою,
 полутонами слов потрепанную.
 Нынче тех полутонов - разгул,
 и все глуше сольный голос.
 Босоногим вступаю в храм надежды,
 Шагов тишина не коснется разноголосьем
 контура счастья -

даже от шепотов в трещинах куча следов.
А босоногий след - моя молитва о любви
без конца и без края
и без пестрого словословья.
Отныне главный цвет -
Есть поэзия любви - всех чувств венец,
Да впридачу - муза,
Та, которой не судьба стать женщиною.

ОРГИЯ СУДЬБЫ

"В этом доме жил
предпоследнего века
последний гений -
Анри де Тулуз Лотрек" -
гласила табличка на стене
одного из парижских
домов терпимости...

ДЖУБРАН ХАЛИЛЬ ДЖУБРАН

Арабское сердце
в стиле рококо
ежедневно -
после каждого
девятого вала
безумного солнца -
на кардиограмме
великана Нью-Йорка
ливанскими родинками
миниатюрный выводит узор.

Перевод Каринэ ХАЛАТОВОЙ

Виолет ГРИГОРЯН

ЛЮБОВЬ (отрывок)

Вот тело, преданное... любви.
Вот кровь, что резвится в проворных венах.
Себя поздравляю я, нынче праздник,
Этой ночью праздник, воскресенье моего тела,
И самковость, которую я припасла для
дорогого гостя,

Я сейчас разостлала перед любовником.
Будь так добр, бери, смакуй, ну же,
Смотри, дочка Хачика, детка, тебя угощает.
Целуй меня и...
Не постареешь.
Целуй меня и...
Не заболеешь.
Целуй меня и...
Не умрешь никогда.
Ведь исцеляются на ложе любви,
Видит слепой волнение страсти,
Немой говорит барабаном сердца,
Хромой поднимается и идет дорогою тела,
И из смертного сна красавица пробуждается поцелуем.
Целуй меня и...
Не умру и я.

Перевод Анаит ТАТЕВОСЯН

Эдвард МИЛИТОНЯН

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ МОРЯ

* * *

На черном, бархатном полотне ночи
удар, удар, удар кисти
расплавленного света, красный отблеск
зеленого луча,
жгучей ревности.
Юноша лижет соленую шею девушки,
границу между пучком волос и кожей,
так рождается море из песка
и пучков травы.
Не это ли разделительная черта
между жизнью и бессмертием?
Пантера забралась под шоколадную
кожу девушки
и смотрела ее глазами, огненными волосами.
Девушки бесконечно читают
песнь песней
кошачьего рода.
Море ласкало беззаботным дыханием
неистовствующего
берега песчаные бедра.
Берег тянулся, пил сотканную
из волн морских
грозную чувственность.

Закат разбивает свой гранат
об обнаженные плечи,
бедро,
с ноготков на ногах каплет сок,
нога тянется к воде, и море пьет
капель.

* * *

На ночном песке
Волнуются их тела,
Они пока что женщина и мужчина,
Мальчик и девочка.
Море продолжается в них.

Переводы Анаит ТАТЕВОСЯН

АЗНИВ СААКЯН

* * *

Подобно деревьям, что зацветают
и облетают красиво,
Не думая, что производят впечатление на других,
Стою.
Глаза мне колет время,
Осыпаются речи - чистые,
Все мое -
Я полюбила слова.
И горами рождены были новые горы,
Морями - моря,
Светилом - солнце, цветами - цветы...
Камни смягчились,
Вода затвердела, стала железом,
Краска - цветом, сон - явью.
Зашагала я в обнимку с горстью букв,
Где увидела колыбель - поклонилась,
Теперь все слова собрались вокруг меня -
Солнценосные, светожарные, медоустые,
жесткоязыкие и пламепаленые,
Слова - одушевленные, живые, животные,
В основном - хищные,
Слова,
Которые съели меня...

* * *

Слова ищут фонари -
И обещают дорогу радости,
Я босыми ногами рою ночную воду,
И наг мой голос, зовущий тебя.

* * *

Лето молча поднимается с подушки,
Осень медленно ложится в постель,
Да еще и в это время года,
Когда весна.
Что делать - завяжу на палец нитку,
Чтобы не забыть...

* * *

Волна одиночества
Поднимается, достигает неба...
Я теряю способность говорить,
И сны становятся плоскими под морями.
Моя кожа слезает,
Трезвость моего состояния обтесывает сознание,
Моего присутствия нигде не чувствуют,
И мое тело, плачущее на моих ладонях,
Опирается на сетчатое окно,
Которое вобрало в себя небо,
И выстроенные стены сердца поднимаются,
И мысль моя в неподвижности
Болит бессрочно.

* * *

Осень проходит сквозь утро,
И медленно крошится зелень.
Листья - гогочущие гуси,
Группками бегущие по улицам,
И улицы - это длинные столы перезрелых красок.
Воскресенье,
Идущие в церковь
Увлекают меня с собой.
Деревья источают сырость,
Воды - холод,
Я корнями глаз впиваюсь в воспоминания
И знаю, что сны мои - бумажные кораблики,
И смерть осознанная сейчас
Не бессмертие.
Я стою на остановках слов,

На остановках времени моего и твоего,
Я знаю - другую кормушку ищут птицы с моего окна.

* * *

Глаз мой рассмеялся и открыл посылку,
Перевернул...
Выпала пара осеней
И одна любовь, перешедшая на красный свет...
Я взяла словарь
И прочла все слова -
Вслух,
Сколько смогла...

Переводы Анаит ТАТЕВОСЯН

Генрих ЭДОЯН

НОЧЬ НАДВИГАЛАСЬ

Крути баранку вправо или влево,
Дорога прямою не станет,
Она вся в ухабах и рытвинах,
И к тому же проходит
Среди неравнозначных дней.
Будь осторожен -
Твоё желанье,
Тебе отведённое время,
Пространства
Не совпадают друг с другом,
Их сумма
Не равна твоей жизни.
Ты, Байрон, был вконец разочарован
Своей эпохой, -
Что бы ты сказал
О нашем смутном XXI веке?
Пока я думал обо всём об этом
Таким открытым текстом,
Кто-то мне подмигнул, другой -
Потребовал документы, ещё один
Похлопал меня по плечу
И сказал: "Хочешь номер в гостинице?
В общем - всё, что захочешь".
Ночь надвигалась.

Перевёл Гурген БАРЕНЦ

НО ОСТАЕТСЯ ТЕМ ЖЕ

В кофейне по утрам и вечерам
все те же люди сидят. Сигарета та же
пускает струйками дым бесконечно, но не
кончается в тех же пальцах. Слова звучат
повторно, но в новом звучании. Мысли те же,
но их структуры различны.
Скопившаяся печаль ищет новый выход,
становится обыкновенным случайным словом
и лопается, как шарик. Время незримо
стирает столов
молчаливые тени и лиц неочерченных
знаки вопроса. Усилия те же,
но отклик различен,
так - утро, день, вечер - и словно
извечное движется и не движется тоже,
вращается мир, но день остается тем же,
карманы набив надеждой и ожиданьем,
а там покрывают морщины смерти лицо.

ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ, ЕСЛИ МОЖНО УСНУТЬ?

Дети счастливы, потому что
Пока еще смерти не знают.
Старцы
счастливы, потому что
они уже знают смерть.
Ангелы в небе своем
счастливы, потому что
у них нет ни жизни,
ни смерти.
И человек, приходивший
от неведомого истока,
счастлив был, потому что
и жизнь он имел,
и смерть.

Переводы Анаит ТАТЕВОСЯН

Рубен ПАШИНЯН

ПРО ТАР

Про горы можно говорить бесконечно. Красота, мощь, дикая какая-то энергетика - всё это на первый взгляд взаимосвязано, во всём этом было, есть и остаётся что-то недоступное нашему пониманию, хоть мы и облазили все возможные горы, занесли их на карты, глобусы, втиснули в песни и стихи.

Я хочу поведать об одной горе, которая живёт рядом со мной уже давно, точнее будет сказать - это я всего лишь недавно с ней соседствую. Эта гора называется Тар. Называется она Тар мною, потому что только я её так называю, и, что примечательно, только мне она, пока, отзывается на это имя. - Доброе утро, Тар! Как Вам сегодня? Спать? Нет, только не сегодня, прошу Вас. Смотрите какой прекрасный день! Что прекрасного? Вы извините меня, дурака, но я люблю именно такую погоду. Нет, не потому что Вас плохо видно - Боже упаси. Это единственный "пункт" в такой погоде, кстати, который меня раздражает. Но так как Вы в тумане... что? Это облако? Ну да, конечно, для Вас это только облако, а для меня туман. Как всё просто.

Вот видите, опять меня Тар научил ещё чему-то. Вчера мы проходили дождь. Я ему утверждал, что это всего лишь грозные осадки, а он заладил (шёпотом) а он заладил - слёзы это, сынок, слёзы. Мне очень нравится, когда он меня называет так - сынок. Не понимаю людей, которые обижаются, когда их так называют. Не хотите, чтоб вас так называл кто попало, скажите Тар. После того, как он Вас станет звать "сынок", больше никто не осмелится этого сделать. Это ведь Тар. Он сильный и мудрый. То есть, его или боятся, или завидуют ему все те, которые зовут вас теперь сынком, а вам это не приятно. А если кто-то не боится Тар и не завидует ему - значит... значит, это свой. Так что обижаться не надо. Ну да мы отвлеклись.

- Тар, а....

Кстати, никогда не спрашивайте Тар о погоде. Он жутко не любит этот вопрос. Наверное, потому что всегда знает честный ответ на этот вопрос. Он не умеет врать и не умеет быть безучастным, поэтому не ставьте его в неудобное положение этим вопросом - он из вежливости вам ответит, а потом будет мучиться. Зачем? Зачем его обижать. Он всё равно не покажет, что обиделся. Потому что любит всех и боится сделать больно, но ведь сам-то внутри "кипеть" будет. А вы знаете, что Тар раньше был вулканом? Не знали? Вот теперь знайте и поймите, как ему зачастую бывает сложно сдерживать себя сейчас, чтоб снова не стать вулканом.

Он мне как-то рассказывал (это случилось очень давно), люди спустились с неба на него - я думаю, это были боги, но когда я ему высказал своё мнение, он отругал меня, заявив, что бога от смертного он как-нибудь отличить смог бы. В общем, это были люди, которые спустились с неба, с ними были их дети, их животные и даже растения. Тар тогда был ещё совсем маленький - он был весь в воде и только верхушка немного выступала из воды. Потом вода спала, Тар вырос, привык к людям, полюбил их за то время, пока они жили на нём. Он даже позволял им разводиться на себе костёр из собственных искр. Но оберегал их, чтоб они себя не спалили ненароком. У них уже сменилось чуть ли не 5 поколений, вода, как я сказал, спала, Тар вырос, а люди... А люди ушли. Просто - взяли и ушли. Даже не попрощались. И что обидно, потом они же им восхищались, но издали, даже ссорились друг с другом, обсуждая - чей Тар: их или родителей жён и мужей их сыновей и дочерей. Словом, люди занимались привычными глупостями, но ни разу даже не подумали, что Тар может быть одиноко и грустно. Я ему говорил, что он сам виноват: откуда им было знать, что Вы чувствовали тогда? Надо было сказать. Он опять отчитал меня и сказал, что очень боялся напу-

гать людей. Они ведь такие суеверные - в Бога и то с трудом поверили, ты представляешь, что бы с ними было, если б гора Тар им сказала - люди, мне так грустно, приходите поболтаем. Смеёшься, а мне не до смеха было. Я тогда грустил. Люди менялись, а я нет. Это так страшно - вечность - не представляешь. Что? Об этом уже писали? Кто из людей именно? Этого не знаю, он, наверное, из детей тех, чьи родители родились, когда их родители уже уехали от меня далеко к другим горам. Счастье искать. Чего вам не сидеться? Что вы у меня просили, а я вам не дал? Молодые...

Тар не знает, что не обязательно уезжать к горам, чтоб найти счастье. Я ему не говорю - это ведь единственная нить, которой он ещё связан с людьми, его покинувшими. Он хоть и ревнует к другим (выдуманной мной) горам, но он в Душе радуется, что люди ищут счастья именно у гор. Он даже просветляется, когда я ему рассказываю (вру, конечно) про то, как люди нашли счастье у горы Трев (я все горы, что сейчас перечислять буду - сам придумал), у горы Шоку, у горы Чам и горы Крем. Про последнюю он больше всех любит слушать, потому что я ему сказал, что она очень далеко находится, и он очень беспокоится о людях, там живущих.

Самое неприятное воспоминание Тар, что когда-то люди рядом с ним устроили такое место (прямо у подножия) где держали провинившихся. Они выкопали глубокую яму на нижних склонах Тар и бросали туда людей. Тар говорит, что с трудом сдерживал себя, чтоб не стать заново вулканом. Только мысль, что из-за него пострадают безвинные, его и останавливала. Потом наступил конец этому. В яму бросили человека, который не умер. А что тут смешного? Вас когда-нибудь бросали с высоты 8 метров головой вниз? Вы выживали? Вот оно и видно.

Всё, не буду больше рассказывать. Незачем вам знать, что было потом.

П Р О З А

С вас пока и этого хватит... если до сих пор не знаете, что было дальше. Головой вниз их кидали, а они выжидали!..
Тар, я пойду прилягу, под вечер буду... Если узнаю, расскажу.
...Хорошо.

- Здравствуй, Тар.

- Узнал?

- Нет.

- Ты опять? Ты же мне обещал.

- Тар, они сами всё ещё не знают.

- А я не спрашивал, знают они или нет. Не надо мне этого.

- Я...

- Опять?!

- Они говорят так много, очень многое из которого сами толком не понимают, потом друг на друга обижаются...

- Хватит!!! Ты узнал или нет?

- Узнал.

- НУ!

- Ждут.

- И всё?

- Пока - да.

- А что мне делать?

- Тар, ты в первый раз у меня спрашиваешь, что тебе делать.

- Довели потому что. Расскажи про людей, которые у Крем.

- Они счастливы.

- Плачут?

- Да.

- А - Трев?

- Те не плачут, но и не счастливы.

- Э?

- Они очень ждут.

- Шоку, Чам?

- Тар... нет таких гор.

- Как нет? А что есть? Если нет горы - то что есть?

- Равнина.

- Это как?

- Плоскость.

- Плато?

- Да. Но у подножия.

- У подножия чего?

- У... твоего подножия, Тар.

- Они что, обиделись на меня? На что?

- Им было холодно.

- Э?

("Э?" - любимое слово Тара. Означает... всё, что хочешь)

- Нет, Тар.

- Что - нет?

- Ты не виноват. Ты ведь это хотел спросить?

- Да. Сынок, а если я стану вулканом? Они ведь далеко? Я же им не наврежу? Тогда они приедут снова ко мне?

- Не знаю. Вряд ли. Испугаются, наверное.

- Э?

- Они всего боятся.

- Всё же ты был прав - это туман, а не облако.

А те, которые рядом тут - эти почему...?

- Эти уже не те - они ничего не боятся, и вот, именно, этого и боятся.

- А что, если вовремя побояться чего-то, этого не будет? Угроза исчезнет? Я всё же не понимаю, чего они все хотят. Я им всё давал, у них всё было, даже про погоду отвечал иногда - чего им не хватало? Эту яму идиотскую выкопали, потом на этом месте кладбище построили, потом церковь. Теперь ходят туда, смотрят, другим показывают. Что они показывают там друг другу?... Ещё раз засмеёшься, когда я оговорюсь, вообще с тобой перестану разговаривать!

- Прости, Тар. Просто...

- Всё! Научил себе на голову. Слово "прости" не половая тряпка - не надо об него пять минут раз свою глупость вытирать. Замолчал - мне уже понятно, что тебе стало стыдно. Вот сейчас скажешь, что уехали, потому что я такой строгий, да? А что плохого в строгости? Вот были бы строже к своим детям, сейчас бы не ходили... Кстати! Я тебя всё время забываю спросить - кто этот олух, который умудрился картину нарисовать - не отпирайся, я сам видел! - где эта проклятая яма, выше меня находится. Благо, там церковь стоит, а то - ты меня знаешь - не посмотрел бы ни на что! Спалил бы давно!

Ты, смотри, случайно не проболтайся про тех, которых нету. Помнишь, я тебе говорил как-то? Так вот, то, что я тебе тогда сказал - забудь! Если в себе не уверен. А то был тут один - не сиделось ему... полез ко мне на вершину. Я, было, обрадовался - подумал, ребёнок решил домой вернуться, а он оказывается тут совсем другое искал.

- Нашёл?!

- Нет.

- Как? Ты же...?

- А что мне было делать по-твоему? Да... я позвал облако. Он (кстати, с другом был) покрутился, покрутился, замёрз и... ушёл. Я честно плакал.

- А кому нужны твои слёзы?! Человек поверил в тебя, пришёл к тебе, а ты его прогнал. И ещё сокрушаешься, что тебя люди забыли! Вот он, наверное, пошёл и всем рассказал, что ничего особенного в тебе нет, потому они и стали уходить!

- Как? Ты что - считаешь, что я прогнал людей? Да они... они сами... да... Да! Я прогнал! Тех, которые без веры живут - я прогнал! Так хотел найти - пусть доказал бы мне, что он не пустышка, а и вправду - Человек. Кстати, был бы Человеком, потом бы не потерялся. С меня спустился, всех людей научил (заставил!) говорить по-новому, а сам вышел из дома и не вернулся! Пропал! И не смотри так на меня - его у меня нет. Другие - есть. Этого - не было!

- А может, он ещё жив?

- Не он жив - глупость его жива. Глупость и трусость. Говорит "Бог", а сам в уме повторяет "тьфу-тьфу" и голову так налево наклоняет. Мол, я не суеверный и не верующий - в общем: и тому и этому. Вот потому и нет его тут! И не будет. Пускай бродит. Вот таких даже не зови. Я их не жду.

- Хорошо.

- Что - хорошо?

- Хорошо, не буду.

- Что не будешь?!

- Звать не буду!

- А они и не придут. А почему не будешь? Ну и что, что я сказал - что, рассердиться нельзя? Ну и пусть не приходят! Ещё как придут! Как миленькие придут! А я ещё подумаю... Ты про Чам не рассказал. Как там? Что делают?

- Верят.

- Во что?

- В тебя, Тар.

- ДА?

- Да. Во что им ещё верить?

- Не говори так! Никогда так больше не говори! Понял?! В Создателя надо верить, в силу его, которую он нам всем даёт, в любовь, которую нам дарит! Вот, во что надо верить. То есть - в Кого! А в меня верить не надо. Что я?

Сурен ПЕТРОСЯН

СМЕРТЬ ПОЭТА

Даниилу Хармсу посвящается

Меч - мера мира

Д. Хармс

Просто очень много камня, и всё. С меня люди падают.

- Почему? Почему люди падают, Тар.

- Потому что поднимаются без веры.

- А те, которые - с верой? Они ведь тоже падают?

- Это со стороны вам всем кажется, что они падают. Глупые вы какие. Они не падают - они взлетают. Просто вы видите разбег, а что потом - вам уже увидеть не дано. Да и незачем вам. Сами поверьте - сами и летать станете. Падают с верой! Надо же такое ляпнуть. Иди ко мне, поднимайся, покажу тебе, как они "падают".

- Я?

- Да - ты! Что - боишься?

- Да.

- Что?! Ты боишься увидеть то, что я бы никому по своей воле не показал? Я тебе предлагаю, а ты боишься?! ТЫ - смертный - боишься принять моё приглашение?

- Да. Боюсь, Тар. Очень боюсь. Не тебя боюсь. Не упасть боюсь. Себя боюсь!

- Себя - что?

- Потерять. Потерять и не найти. Ты не думай, Тар, - я обязательно когда-нибудь приду. Но сам, ладно? Без приглашений. Сюрприз тебе сделаю. Хочешь?

- Нет. Совсем ты меня разжалобил что-то.

Так что там... эти... ну, которые у этой горы... как же её... Локу? Ноку?

- Шоку, Тар. Нету такой горы.

- Да я знаю - они как? Они что делают?

- Верят, Тар.

- Так и все верят?

- Все. Только каждый в своё.

- Ну это понятно - оно и предполагалось, что так будет. Мной предполагалось, конечно. Но я очень этого не хотел.

Но, вот, видимо, так оно и должно быть - каждый, где-то, во что-то своё, по отдельности... Наверное, хоть после этого они поймут, что ...

- А как Там, Тар? Там тоже так думают?

- Там не думают.

- А что...?

- Верят!...

Даниил Иванович вышел из подъезда своего дома, как вдруг из-за дерева, стоящего в центре двора, выскочил незнакомый мужик, в ватнике, в кальсонах с лампасами, в сапогах со шпорами и, размахивая увесистым деревянным мечом как дубиной, подпрыгивая на воображаемом коне, грозно выкрикивая непонятные слова, понёсся прямо на него.

От неожиданности Даниил Иванович оцепенел.

Тем временем мужик доскакал до него и изо всех сил долбанул Даниила Ивановича мечом по голове, да так сильно, что у того в голове сразу же зазвонили колокола.

- Я Алексан...др...! - с трудом справляясь со вставшим на дыбы конем, рявкнул мужик и продолжил что-то говорить, но Даниил Иванович уже ничего не слышал.

Очнулся Даниил Иванович, лёжа на траве, с огромной шишкой на лбу, не в силах понять, что с ним случилось. Мимо проходили люди, но на него никто не обращал внимания. Чуть придя в себя, он увидел дворника:

- Скажи-ка, голубчик, знаком ли тебе человек с мечом?

- Ааа, Македонский?.. Так это жилец наш новый, с третьего подъезда! Так он на прошлой неделе в поход ушел на персов... Про царя Дария слыхал? А ты брось тут лежать, освобождай площадку, ровно в шесть у инопланетян на этом месте посадка! - не очень понятно объяснил дворник.

- Какие ещё инопланетяне? - удивился Даниил Иванович, но дворник, не дожидаясь следующих вопросов, повернулся к нему спиной и занялся своими делами. "Это сколько же времени я тут лежу?" - подумал Даниил Иванович и протёр глаза, полагая, что это всё наваждение, и просто солнце напекло голову. Однако, запёкшаяся кровь и заплывший глаз свидетельствовали о реальности произошедшего. С трудом встав на ноги, он побрел в районную поликлинику.

- Где же это вас так угораздило? - буднично спросила врач поликлиники и, усадив его на стул, приступила к обработке раны. Во дворе... - смутился Даниил Иванович

и, сознавая всю нелепость произошедшей с ним истории, вкратце поведал о ней врачу. А в конце зачем-то промямлил: - писатель я, поэт. И тут Даниил Иванович вдруг обнаружил, что врач эта - вовсе не врач, а никто иной, как ассириец, чистильщик обуви, работающий перед гостиницей "Астория", который третьего дня отдраил ему штиблеты накануне его выступления в Доме Печати.

- А-а. Обычная история... Поправив пышные и чёрные, как смоль, кавалеристские усы, она начала обильно мазать его зелёной. Пока она занималась им, он умудрился прочитать висящий на стене плакат: "Если человек хочет прийти к самому себе, он должен пройти через мир*". Поблагодарив врача, Даниил Иванович, опасливо озираясь по сторонам, вышел из поликлиники. Идти в редакцию журнала "Чиж" уже не было никаких сил. "Да и как я пойду в таком виде, весь забинтованный и в зелёнке", - подумал он и направился к дому.

Шмыгнув в подъезд и быстро подойдя к двери, звонить не стал, открыл дверь своим ключом, прошёл в комнату и увидел, что жена как обычно сидит перед окном и чистит картошку. Он хотел было поделиться своей бедой, но жена его опередила.

- Тебя что, ранили? - спросила она, не отрывая взгляд от окна - А знаешь, утром по радио передали: поэта Александра Сергеевича Пушкина застрелили... Ужинать будешь?

- Нет, спасибо, я лучше прилягу, - в эту минуту ему вдруг стало нестерпимо жаль убитого поэта, точно он услышал об этом впервые.

Даниил Иванович рухнул на кровать, но уснуть не удалось. Он долго лежал с открытыми глазами - то ли мешал лунный свет, то ли нахлынувшие чувства.

В окно смотрела равнодушная ко всему луна, а Даниил Иванович навзрыд оплакивал смерть великого поэта.

А на следующее утро Даниила Ивановича на лестничной площадке, прямо у дверей его квартиры, задавило трамваем.

* "Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир". Такой линии мышления придерживался Мартин Хайдеггер, полагая трансценденцию как путь к аутентичности: Хайдеггер призывает сменить "вычислительный" способ мышления на рефлексивный, даже медитативный (Gelassenheit). Возможность личностного роста, аутентичного (со-)участия зависит от разрешенности базовых экзистенциальных вопросов, в первую очередь, отношения к смерти.

А там... промерзшим телом, завернутым в тряпье,
Владел смертельный ужас остаться без нее...

* * *

Что-то разбудит внезапным толчком;
То ли раскат отдаленного грома,
То ли призыв обреченного дома
С белым фронтоном над средним окном.

И породнясь с путеводной тоской,
Выйдешь кружить неотчетливым курсом,
Словно низверженный царь, что вернулся
В старый дворец потайною тропой.

Бросишься в прошлое, как на редут,
Тихо шалея от ран и урона;
Молча простишься с увечным балконом,
Не удержавшим свою высоту.

И у подъезда, где пасть и вода,
Оцепенеешь и сдашься - поверив:
Именно так запираются двери,
Те, что уже не ведут никуда.

ИЗ МОСКОВСКОЙ ТЕТРАДИ

Еще хранят затейливый узор.
Молитвенные коврики газонов,
Ещё дожди, не веруя в резоны,
Недолги, как случайный разговор.

На Гоголевском, в сизой полутьме,
Соседствуют, друг
друга не тревожа,
Публичность одиночеств
осторожных
И нарочитый компанейский смех.

Сгущается туман, едва скользя
По высаженной липами аллее,
Ощерясь, лвы чугунные чернеют,
Точнее - помесь львов и обезьян.

И нет тоски в чернильных вечерах,
Где по-хозяйски шаря в полумраке,
Красивые московские собаки
Ведут людей на длинных поводках.

* * *

... А аспарагус твой прижился
И дал цветок;
Алешка - с пятого - женился,
И ты бы мог..
И не молчи, - всего-то радость -
Хоть пара строк.
Ведь вот... прижился аспарагус...
И ты бы смог..

Паола УРУШАДЗЕ

* * *

*Княгиня Софья Яковлевна
Святополкъ-Мирская
Рожденная княжна Орбеліани
Род. 1829 - Сконч. 1879
Надпись на каменной плите в Кашвети*

Индекс Века, повторенный дважды -
В дате рождения и в дате смерти...
Как он любил вас -
Своих избранных граждан!
В этой любви ни одно из столетий
С ним не сравнится,
Собор - свидетель,
Надгробные плиты подробнее Тацита...
Завидую вам -
Генералы, княгини, священники, дети,
Навеки укрывшиеся в Девятнадцатом.
А он, закрывая ладонью вам веки,
Неслышно шептал вам: "А дальше не надо..."
Он все уже знал про кровавые реки
Грядущего века, текущего ада...

Из цикла "ПОЛЕТЫ НАД ЗЕМЛЕЙ"

Из воздушной вынырнула ямы -
Прямо над Приамовым дворцом...
Конь внизу - змеиное яйцо,
А вокруг троянцы муравьями...
Оттащите вы его назад -
За ворота, и запирайте Трою...
Словно ждущий выброса десант,
В темноте измаялись герои...
Им сейчас и не нужна война,
Только - свет и чистый воздух тыла...
У арфиста лопнула струна?

Нет, у лука тетива заныла
 В темноте... И звякнул меч в ответ...
 Прекратите круговые танцы!
 Эх, и натворили же вы бед,
 Золотые муравьи... троянцы...
 Не вперед тащите, а назад!
 До спасенья вам осталась малость...
 Одолели тысячу осад,
 А на этой липе обломались?..
 Там, внутри, всем выдали паек,
 И вино всем поровну раздали...
 Кто-то быстро допивает рог,
 Кто-то крутит ремешки сандалий...
 Затрещали пол и потолок -
 Как один, встряхнулись все и встали...
 Сколько шума! Шепот, кашель, стук...
 А как страшно, как победно дышат...
 Слышите! Уже открыли люк!
 Слышу я. Они - внизу - не слышат...

* * *

Всё это мелочи... и главное не в этом,
 Не в этих чайках, плачущих
 так тонко, -
 Скорее в том, как безрассудно ветер
 Трещит холстом забытого шезлонга,
 Как он играет уголком навеса...
 На горизонте возникает парус...
 Ты чувствуешь, сосновым
 пахнет лесом, -
 Так пахнут доски, на жаре распарясь.
 Как и другие, этот миг разыгран
 Тобой не раз. Вопросник не исчерпан.
 Ты по камням ступаешь,
 как по иглам, -
 Один просчет, и ты уже ушербен -
 Тебя отвергнут. Ты еще не избран,
 Ты всё еще один из подмастерьев,
 Оступишься - и ты отчислен, изгнан
 До тайных встреч, до сходов,
 до мистерий.
 Ну, а пока... ты всё ещё в запасе, -
 Все эти ветры, паруса и грозы
 Они не зря. И каждый миг опасен.
 Но ты не знаешь...
 Это в а ж н ы й козырь.

ТУТАНХАМОН

Глупо спрашивать у мумий,
 как он жил и как он умер,

и с учеными не спорьте, -
 ведь у них, как в том кроссворде,
 что решал один простак,
 всё сошлось... да всё не так...

Древний мир стоит, как крепость.
 На фасаде тот же ребус:
 кошки... птицы... люди в лодках...
 Там воюют, тут хоронят,
 фараон сидит на троне,
 неподвижно, как в колодцах.

Серп и молот... Жезл и скипетр -
 все пути ведут в Египет,
 все сюжеты... но в картушах
 имена лишь, а не души...
 А без душ - одни потемки!
 И гадай себе о том, как
 жили-были... не тужили...
 о любви и о коварстве
 в Древнем царстве...
 в Среднем царстве...

Тихо входит ночь в бахилах,
 и опять Шекспир с Эсхилом
 зашептали, на ночь глядя:
 - Может быть, все дело в дяде,
 в яде дело, может быть?..
 - Может быть... и даже очень...
 и Офелии веночек -
 из увядших анемонов
 на груди Тутанхамона -
 это м о ж е т подтвердить...

КАК ЭТО БЫЛО...

Прощальная симфония Гайдна

Сочтя себя на этом свете лишним,
 Ушел миндаль, за ним ушли
 все вишни,
 По мартовскому снегу семени.
 Едва успев отбросить семени,
 Был тополь увезён, как воин
 на лафете.
 В последний час с ним, говорят,
 был ветер,
 Наш старый ветер - вечный
 книгочей,
 Он провожал его без помпы,
 без речей,
 Шепча вослед:
 "Есть многое на свете..."

Владимир САРИШВИЛИ

* * *

Тебя, как перстень Полиэктов,
 Я обнаружил у метро,
 Чужую кипени проспектов,
 И вот он - здрасьте - бес в ребро.

Нескладная аристократка...
 В глазах не то испуг, не то
 Неразрешённая загадка
 Эпохи мушек и манто...

Но бес растаял струйкой дыма,
 Упущен миг, течёт река,
 И я прошёл куда-то мимо,
 Куда-то мимо, на века...

* * *

Подобье снадобья - вино,
 Твой облик - снадобье подобья.
 Луна уставилась в окно
 Не из-под туч, а исподлобья.

Рисунок - только отсвет, след.
 Где звуки речи, где события?
 Короче расстоянья нет -
 От страсти до кровопролитья...

Ещё упрямится рука,
 Но скоро, скоро капля брызнет,
 Как будто в жертву голубка
 Здесь принесли во имя жизни.

А белизною полотно,
 Казалось, победит надгробья.
 Подобье снадобья - вино,
 Твой облик - снадобье подобья...

Но кипарис теперь - твой страж,
 За ним ручей течёт в овраге.
 Хранит свинцовый карандаш
 Твою улыбку на бумаге.

А в мире пусть - мне всё равно -
 Гоняют мяч, ломают копыя.
 Подобье снадобья - вино.
 Твой облик - снадобье подобья.

* * *

Здесь, в городе, просмоленном со всех
Сторон, как бочка - бондарем умелым,
Плескается на дне прокисший смех.

Здесь, в городе, у правых и у левых
Перил мостов тоскуют рыбаки
И слушают шипящие кассеты,
Улова не дождавшись от реки
И доедая рыбные консервы.
Здесь, в городе, где воры и лгуны,
Что собственным враньём утомлены,
Вновь одержали пиррову победу,
Я вычислил в объётах тишины
Квадрат сосредоточенной луны
По кругу, в ночь со вторника на среду.
Я в дом вошёл, где каменный Атлант
Поддерживал фасад,

с разбитым носом.

Ему судьба такой вручила грант -
Изогнутой рукою, как вопросом
Встречать входящих уж который век...
И вниз уставясь. И ни разу - вверх.
Я в дом вошёл, где плавала свеча
В своём соку, как борова огузок.
Шипеньем захлебнувшись сгоряча,
Погас огарок. Дохлым ритмом блюза
Поплыл дымок. И этой вышел срок,
И слава Богу, с плеч долой обуза.
Что радует в такую ночь? Вино?
Нехитрый ужин, что

на стол поставлен?

Что радует, когда вокруг темно,
И самый воздух этой
тьмой отравлен...

Сюжетов новых нам не сочинить -
Их тридцать шесть всего
сложилось в мире.

Один таков: отрезанная нить
И - пустота в неубранной квартире.

ЭПИТАФИЯ

Я здесь, поэт земных начал,
Любитель пива и сосисок,
Которого не отличал
Обширный донжуанский список.
Моё надгробье не вместит
Тех слов, что был достоин Ньютон.
Мой мир нестроен и запутан.
Но верю - Бог меня простит.

Елена ЧЕРНЯЕВА

* * *

В этом городе нет меня.
А в стране этой - города нет.
На планете - такой нет страны.
И планеты нет среди планет.
Но когда существую я,
может, просто - города нет,
нет страны и планеты,
но
остальное-то - точно есть!

* * *

У встреч короткое дыханье,
Но длится, длится этот миг,
И длит его земли качанье,
Преображенный неба лик,
Густые вымокшие кроны
И капли влаги на губах...
Пройти, не разгадать, запомнить,
Что может быть в твоих глазах.
Нас не связали в одночасье
Ни боль, ни память, ни вина,
Вот почему мы точно знаем,
Что между нами - тишина.

* * *

Ну, вот, посмотрела окрест.
Рукавом взмахнула, как речка,
как речка, что отворила
свои поющие воды.
Посмотрела окрест: провинция,
лежит себе, дышит в подушку,
собирает перо для перины,
готовит на зиму склянки
с кисло-соленой снедью.
Ездит на черных машинах,
а иногда на зеленых,
но чаще - на серебристых:
это довольно престижно.
Хотя, посмотреть на речку,
которая все уносит,
которая крутит мусор
в черных водоворотах...
Хотя, посмотреть на небо:
оно-то, оно-то дышит
нездешним дышит, не нашим,
ну, чтой-то там наверху?

Но если встать очень прямо,
расслабиться, выпрямить плечи,
потом осторожно так, тихо
через плечо обернуться -
увидишь (если успеешь),
увидишь (если везенье
на этот раз не покинет),
как нежные ждут сады.

* * *

Зачем-то вижу этот город,
Железный поручень сжимая,
Металла запах различаю,
Как привкус крови на губах.
Зачем-то слышу эти лица,
Идущие вразброд навстречу,
Они меня толкают речью,
Как в спину вдвинутый приклад.
Зачем-то... Разве непонятно?
Ведь надо же кому-то помнить,
Что есть бескрайний,
тихий, ровный,
Совсем другой, холодный город,
Не город, может быть, мираж.

* * *

Переплыть, перебраться,
переждать, пережить,
задохнуться, распасться,
разомкнуть, разлюбить.
Разлюбить? В этом море
полумер, полудел
только ты и - безмолвие
не имеют предела.

* * *

*И духа серебро
во мне покрыто кожей
нессеребра*

В. Кальпиди

Что во мне делать птице,
голосу, серебру,
если грузнеет тело,
глаза оплывают во тьму?
Хочешь - не хочешь - бейся
в это стекло небес,
хочешь - не хочешь - слейся
с праздной толпой повес.
А за стеклянной стенкой -
так, фуэте, трюк,
черная, будто, метка:
то ли крест, то ли крюк.

С грузинского

Заза ТВАРАДЗЕ

* * *

Свой лик луна зарыла в грудь
облаков.
На улице кричат бредовым гневом.
И лампа на столе - магнит
для мотыльков.
Теперь им потолок мой будет небом.
Кружат планеты-бабочки, кружат...
Кружат, согласно Кеплера законам,
Ничтожные, они вот-вот сгорят
И, падая, уступят место новым.
Визг загулявшей кошки под окном,
И голоса сверчков сквозь
каменные стены...
Мой изумлённый мозг
всё думает о том,
По образу кого и кем я сделан?
Но солнечный восход
заставит мух гудеть.
Продолжит мир наш
сам себя терпеть.

ПЕЧАЛЬ ВЕЩЕЙ

Убила утро Ночь-колдунья.
Вольётся в комнату печаль.
И книги, и шкафы, и стулья
В изнеможении - им жаль.
Им жаль себя. Ведь всё вернется,
Шкафы накроет давний страх.
Кошмар-палач опять смеётся,
Преследуя их даже в снах.
И этот ужас - ужас света,
Печаль - от страха потерять
Неусложнённость зим и лета.
Страх - и на всём его печать.
Уходит кто-то тихо, больно,
И кровью истекает дом.
Быть одиноким каждый волен
И в этом мире, и в ином.
Ведь в этом мире только люди
Следят за жизнями вещей.
На плоских стенах в пятна мути
Уходит кто-то через щель.
Уходит кто-то. Ты же снова
Один среди вещей и снов.

Предметов ревность, как оковы,
Обвила плечи у шкафов.
А ты - предметов сновиденье
И рая шаткого виденье.
Их страшный сон.

Переводы

Лали ЭЛИЗАРШВИЛИ

* * *

В тоске зелёной зимнего полудня,
как древний идол,
школьный сторож
Гриша стоит.
Меня же этот снег и это пламя
внезапно вырубает.
В тоске зелёной зимнего полудня
я девушку - Динару - вспоминаю,
не девушка была, а просто снег
в моих глазах,
осыпавшейся фреской
растаяла, фантомом проплыла.
В тоске зелёной зимнего полудня
я буду одиноко догорать,
стоять, как кедр
в искрящемся огне.
И школы все, и все снега, и даже
всех Гриш - как ни печально -
пожалую.

Перевод Анны

ЛОВОЙ-КУБЕЦОВОЙ

**Теона
БЕКИШВИЛИ**

* * *

Моей сестре Нино

Я и ты,
Соломенные куклы,
Смешные,-
Растопырены руки,
Расставлены ноги,
Всклочены космы.
Безвольно висят
В старушкином детстве

Бабушки нашей -
Её схоронили
два года назад.
Не додали ей слёз,
Не догоревали.
И все же
Время от времени
Подует ветер холодный,
Соломинки подбросит
К колючей могиле,
Соломенных кукол -
Меня и тебя.

РАСПИСКА

Всё равно напишу,
Я тебе обещаю,
Напишу, как мне трудно,
Как трудно к тебе возвращаться,
Как тяжело прощать тебе
Давнюю измену.
Всё равно напишу,
Как всегда, в любую минуту
Ты был в моей жизни,
И тогда, когда я покупала
мыло и хлеб,
И тогда, когда я варила
На зиму варенье,
И тогда, когда я впервые
Увидела своих детей.
Я опиралась на тебя.
В тебе мягко ноги мои утопали,
И я блаженно отравлялась
Всей этой мягкостью.
Я тебе обещаю,
Что всё равно напишу.
Как почва, что никак
Не высвободится от сорняков,
Вырвут их - всё равно всходят.
Поэтому я напишу!
Но ты всё равно больше
любишь их,
эти выброшенные сорные травы.
Признайся - ты ведь их любишь?!
С нежных лепестков роз
Давно украден
сладкий нектар Поэзии.
Что же сорняк,

Может, выпустил (если успел) хоть
Меленькие голубые цветочки...
Без запаха и без претензий?
Да и причём здесь цветы,
Ты и без них нас любишь,
Хотя бы потому, что и
на этой бахче,

Нет, не найти нам приюта.
Вот потому
Я обещаю,
Что всё равно напишу.
Напишу от имени всех,
Всех брошенных за забор...

Переводы Ады ДЖИЛАВДАРОВОЙ

Элла ГОЧИАШВИЛИ

КУПОРОС

Стоит ли подниматься на отвесную скалу?
Чтоб убить себя, идти в такую даль?!
А в деревне,
Откуда тут падать,
С какого такого 16-го этажа?..
Ружьё, верёвка и купорос -
Вот он, выбор кахетинских самоубийц.
... Господи, хоть чем-нибудь помоги
Заблудшим самоубийцам...
В одном из стихов я Нанию упоминаю,
Ту Нанию оставил вдовой
Дед Ваню - мой сосед.
"Ваню, отравившийся купоросом" -
Вот и всё,
Что я о нём помню!
Всё остальное - воображение,
Спутавшееся с воспоминаниями...
... Господи, хоть чем-нибудь помоги
Заблудшим самоубийцам...
Как только баба скрылась с глаз,
вынес из погреба втихаря (наверно),
и над кособоким тазом
горсть раскрыл (наверно),
и рассыпал купорос - небесным порошком.
Подхватив с пола, вскинул на колено прохладный
кувшин (наверно),
Вылил воду в таз (наверно),
Перемешал,
Перемешал буквой щепкой,
Подскребывая (наверно).

Растворил небесный порошок, -
Глянуло жидкое небо
Из крестьянского таза
Единственным глазом
Голубоглазого великана (наверно)...
... Господи, чем-нибудь помоги
Заблудшим самоубийцам...
Всю жизнь травил виноградник купоросом,
А однажды взял и себя отравил (наверно).
... Господи, чем-нибудь помоги
Заблудшим самоубийцам.
Избавь,
Избавь
От горького скитания
И в конце тамошнего виноградника
Высади сорняком
Или козлёнком привяжи где-нибудь
Там -
У корней тенистого персика,
Усталую душу деда Ваню, -
Красивейшим ядом
Себя убившего.

Перевод Дмитрия ЛОСКУТОВА

Лела САМНИАШВИЛИ

МЕНДОЧИНО

Поздно закрывать глаза руками -
на берегу высоком Мендоchino,
между яркими красками трав и морского залива
вывешен показушно
- серый,
огромный,
с парой оставшихся перьев
- скелет альбатроса.
Для меня это выход из рая. Этого рая.
Окостеневший, он отрезвляет. Не хватай меня за руку,
не занавешивай глаза белоснежной фатой жадных чаек,
не застилай мне взор цветами, гнездящимися в зелени
травы.
Летающий скелет альбатроса со скрипом крыл
стремится ввысь.
Как выцветает шаль,
в которой я стою,
так покидает цвет долину счастья,
но не под силу силе умиранья
догнать меня.
Есть то, что называю силой жизни

на фоне блеска радужных цветов,
 воды, земли и кожи на запястье.
 Есть чувство, что в разрез глаз
 реальность не вмещается - хотя бы
 та, в которой на другой стороне
 фужера океана идёт война.

* * *

Кто-то думает, я способна
 изобразить гололёд
 одним только взмахом руки
 и при этом
 легкой походкой нестись по жаре
 в босоножках...

Кто-то думает, я в гордыне,
 а кому-то кажусь в отключке.

Лето во мне иссякает,
 холодные пряча стихотворенья
 в серые шали теней.

Для кого-то я слишком ветрена,
 мол, меня невозможно терпеть
 больше пяти минут.

Что же, если и так.

Пусть растают стихи.

Я же вплету свою правду и пальцы
 в старинную арфу и стану
 свободным от сплетен и пут
 путником в никуда.

Век ведь - всего лишь время,
 и ничего больше,
 потому посылаю смело
 дальше века улыбку свою.

Переводы Марины ЛАМАР

* * *

Может, стоит тебе - развлечься
 И вязать, продлевая наши
 Тени. Я не снесу - извлечь бы все
 Нити, вычернившие пряжу.
 Если связано этой пряжей
 Моё - путаное - стихотворенье,
 Не оставлю на память даже,
 Намотаю - клубками - тени.

Перевод

Анны ЛОБОВОЙ-КУБЕЦОВОЙ

**Резо
 ГЕТИАШВИЛИ**

* * *

Что свело тебя с грустью моей?
 Или ты задолжала мне что-то?
 Ты, как ветер в ночной тишине,
 Не зовешь меня в небо полетом.

Где мне мудрости отблеск найти,
 Меж каких недопонятых строчек?
 На каком пропадаешь пути,
 Обрученная с бархатом ночи?

День как день. Что за ним? -
 знать бы мне,
 Как уйти от свалившейся муки,
 Я бы небо разбавил в вине,
 Да и шесть остальных
 дал бы внукам.

Вновь пытаюсь сказать.
 Что сказать?

От конца до начала все ясно,
 Если ты идеалу под стать,
 Почему же я болен пристрастно?

Эту боль я потом проглочу,
 заживет раздвоенное сердце,
 Покупаю - так значит - плачу,
 И от прошлого некуда деться.

И претензий к тебе больше нет.
 Ты простым мотыльком
 промелькнула,
 Но, увы, я не твой яркий свет,
 Что-то в мыслях меня обмануло.

Даже если покончишь со мной,
 Непременно отыщешь замену.
 А вот я не сказал бы другой,
 Что люблю. Не сказал бы, наверно.

Столько громких
 я слов намолчал,
 Что понять их мой разум
 не хочет.

Поутру ты уйдешь, как печаль,
 Обрученная с бархатом ночи.

Перевод Марины ЛАМАР

* * *

Дождь. И ночь.

И - раз такое дело...

Вижу: человек. Уже прошел.
 Жизнь дана для опыта иного.
 Пенится вино... Отель Майор...

Я клянусь... Со мной
 танцует вишня.

Мне верна Жизель
 (читай - "Зейнаб").
 Ночь. И от дождя она - от-дель-но.
 Бродят. По отдельности. Во мне.

Делать - что? От роли отказался...
 Больше. Руки в воздухе хранить.
 Все сильнее хочу. Звучать в миноре.
 В честь Мисс Грузии слагать
 хвалебный стих.

Кто-то - с пожеланьем
 легкой смерти.

Без романтики. Надежды -
 ни на грош...

Вижу - человек. Который мимо...
 Дождь. И третий час. И - если так...

Перевод Сусанны АРМЕНЯН

* * *

Взлету. Как некогда умершей фее.
 Вечно сопутствуют листья.

Их шелест.

Листья. Они. Никогда не согреют
 тишь. Шелестит. В пустоте
 вдохновения

Взлет. В этом умершем воздухе.

Снова.

Дважды. Начать ничего не желаю.
 Листья волнуют.

Коснуться бы только...

В их лабиринте тоскливом увязнуть.
 И улыбнуться. Мир веткой обломан.
 Ночь опустилась сама.

Со скрипящей

тишью. В которую если уходим,
 слышатся листья,

их шелест щемящий.

Перевод Нино БУСУРАШВИЛИ

Гагик ТЕЙМУРАЗЯН

ПРОЗА

АЙСБЕРГ

Айсберг измучен вечными вопросами. Он думает о самоубийстве. Я подталкиваю его к Гольфстриму.

ОТРАЖЕНИЯ

За рекой мои воспоминания хозяйничали в садах и виноградниках, а я мыл руки в теплой воде и, подмигивая отражению, думал о том, что жить надо не спеша, наслаждаясь затяжными сценами.

ЦАРИЦА САВСКАЯ

У решетчатой ограды сада царица Савская остановилась. Ее внимание привлекло вишневое дерево. Не заметив меня - я лежал у журчащего ручья - она начала срывать плоды и, протирая их платком, класть в рот. Когда я попал в поле ее зрения, она сбросила с себя бордовое платье, поправила волосы, упавшие на плечи и босиком пошла по степи. Превратившись в самум, я догнал ее и, обняв за талию, поцеловал в правое предплечье. Степь оборвалась у океана. Как будто испытывая меня, царица вошла в воду, но я не пошел за ней, потому что в ее сне она была главной. Но и ждать ее возвращения было бессмысленно. Полетав по степи, я вновь стал человеком и, дойдя до ручья, прилег на землю. Царица в бордовом платье подходила к ограде сада. Я перепрыгнул в сад через ограду и наклонил для нее ветку вишневого дерева. Мы ели плоды вместе. Наши сны слились воедино.

КОПОТЬ

Ламповая копоть вздрогнула, когда я вошел на кухню с бархатным лоскутком. Я вытер пыль с бюста Эйнштейна, покрыл копоть вуалью и, дважды подпрыгнув, растворился в ночи, как истинный поэт.

ГИД

В студенческие годы я подрабатывал гидом. Я рассказывал европейским туристам, что пирамиды - дело рук инопланетян. Иногда я так увлекался, что приписывал их строительство себе. Все шло прекрасно до того дня, когда пирамиды исчезли. Меня обвинили в эпохальном воровстве и нагрянули с обыском на квартиру, которую я снимал в бедном квартале Каира. Ничего, кроме всяких садов Семирамиды, местные пинкертоны не нашли.

ДАРВИН

Чарльз Дарвин был неглупым человеком и, само собой разумеется, прекрасно понимал, что человек не мог произойти от обезьяны. Но он обещал своей жене стать знаменитым. Он сдержал обещание, данное ей перед вступлением в брак. Его жена состояла в атеистическом обществе и всю жизнь мечтала опровергнуть непререкаемую истину.

ГЕРБАРИЙ

На шестнадцатой странице гербария жил лютик. В основном, ему снились феерические сны. Просыпаясь в холодном поту, он рассказывал их белому маку, который попал сюда против своей воли.

ИГРА В ЧЕРНОВИКИ

Перестань играть в писателя и пользоваться моими выстраданными сюжетами. Я прячу их от самого себя, чтоб они не мучили меня, не цеплялись за подол моего царского наряда и не тянули в пропасть, откуда я недавно выбрался и не собираюсь возвращаться, но, если любопытство дойдет до пика, я все же еще раз окунусь с головой в свои переживания, попытаюсь найти в них нечто такое, что заставит меня по-другому посмотреть на затмение солнца. Я перестану шалить и кривляться. Я пойду в гости к Ван Гогу, которому очень понравились мои работы. Он посоветовался с маршанами и хочет помочь мне устроить персональную выставку. Я не дам ему своего согласия. Рисунки еще не готовы. Они никогда не будут готовы. Я не понимаю, что такое законченное произведение. Поэтому я и продолжаю сжигать черновики. Изредка, правда, я жалею их. Они - часть моей жизни. С их уходом я острее начинаю чувствовать дьявольское время. Я обманываю себя тем, что настоящая жизнь где-то за горами, что играть в полную силу нет никакого смысла. Можно расслабиться и стать одним из тех, которые живут в своем inferнальном мире. Они и режиссеры, и актеры, и зрители, и кассиры, и уборщики, и журналисты, которые берут у актеров интервью и печатают критические статьи в литературных журналах. Я стараюсь их не читать, чтоб случайно не наткнуться на подборку рассказов, подписанных моим именем, и не ахнуть оттого, что тексты изменены до неузнаваемости.

Баадур ЧХАТАРАШВИЛИ

Из романа "КОЛХИС"

Отпрыск могучего Тифона и змеяевы Эхидны - дракон Колхис, спасаясь от Геракла, врага закланного, покидает Эгеиду и обретает убежище в изобильной Колхиде, где:

- встречает подругу жизни - прекрасную Пирцецхли - Чернушку и обустроивает семейное гнездышко, в котором являются на свет дочери Паскунджи и Авпия и сын Индикос;

- вступает в службу к царю колхов благородному Аэту;

- оказывается затянут в самую гущу интриги с участием ещё одного беглеца - беотийца Фрикса, златорунного овна и аргонанта Ясона сотоварищи, о чём и повествует в собственноручно составленной хронике.

КАТАСТРОФА, эпизодий первый

Множество стрел и коней быстроногих стремительный натиск...

Симонид КНОССКИЙ

Поспешая к родным берегам, заклинал я богов оградить наши жизни от буйства пучины, отворотить судно наше от встречи с ладьёй промышляющих морем мужей. Снизшли к моей просьбе епатриды Олимпа (в конце-то концов, Форкис - дед мой родной, кровь обязывает порадеть за внука) - без помех проводил быстрокрылый Аргест сыновей Киркеады до самого дома, и меня, сироту, заодно.

Изрядно утомлённый плаваньем (надо признаться - терпеть не могу шаткой палубы: стеснение в брюхе и кружит голова) побрёл я к семейному гнездышку. Добрался: Индикос, в задумчивости пребывая, прогуливается по лужайке, Чернушка курам зерно рассыпает (кстати - наука грекам: очень полезную в хозяйстве птицу колхи разводят на своих подворьях - всего-то по жмёне ячменя в день на каждую, и взамен несущки вкуснейшие яйца кладут), в сторонке Паскунджи и Авпия, разбросав астрагалы, сражаются в бабки. От умиления готов был я прослезиться, но тут - краем глаза что-то чужое уловил, зловерное. Глянул в сторону и... На ветви дуба, в уголке блаженного моего уединения - рыжий автон повис, и камень Арея на нём.

- Чернушка, дети! - возопил я в гнев, - откуда взялась эта мерзость?

Задыхаясь от ярости, шагнул я к дереву - сорвать подменную шкуру, но Индикос преградил мне дорогу:

- Пстой, Колхей, уйми свой порыв. Аэт велел сохранять здесь руно, беречь пуще глаз своих...

Совсем уж растеряв стройность мысли, подогнул я ослабевшие лапы, уселся наземь, глупейший задал вопрос:

- А где баран?

- Баран околел, иначе с руном не расстался бы. Видать, надорвался, бедняга. Шутка ли -

перелёт через море, да ещё с грузом немалым, - глянул на меня пытливым сынок.

- Ну да, полёты - дело утомительное. А что - беотийский найдёныш, этот жив?

- Был найдёныш, а нынче царский зятёк: третьего дня свадьбу сыграли - Халкиопа в жёны Фриксу досталась.

Сломили меня новости, так и сидел, понурившись, в тщетной попытке смятённый разум оживить. Чернушка подступилась, взяла в оборот: мол, хватит уже в загадки играть - не даром же пропадал неведомо где, да и всё одно, корабельи проболтаются, у каких берегов обретались.

Когда подруга моя берётся за дело, противиться ей без пользы: рассказал я про всё, что узнал от Сибилены, ждал совета.

Паскунджи не любит долгие разговоры - расправила крылья, пообещала вернуться с рассветом и устремилась на юг. Следом Авпия поднялась, собралась проведать киммериан. Сговорились - дожидаться возвращения лазутчиц я буду у ступеней дворца.

Продолжили мы семейный совет: правдолюб Индикос потребовал без промедления схватить перевёртыша, - учинить врагу допрос с пристрастием на глазах у царя. Чернушка предложение отвергла, рассудила здраво: Аэт новоиспечённого родственника в обиду не даст - зять владыки вне подозрений - а вот нас наветчиками может посчитать и наказать сурово. Помочь делу мы сумеем, только лишь соблюдая тайну руна. А Фрикс - он уже своё злодейство устроить успел, пускай походит пока в параситах у царя. Рано ли, поздно ли - возмездие настигнет.

Я хорошо знаком с Немесидой - даже законченный жизнелюб не рискнёт уверовать в мягкосердечие дочери Никты, да и память у Неотвратимой отменная, так что - дальнейшая судьба засланного Миносом вредителя мало меня занимала, а в суждении моей мудрой подруги присутствовал явный резон, посему, так и постановили: историю Фрикса держать в строгом секрете, все помыслы и действия обратить на преодоление надвигающихся бедствий; буде - выстоит Колхида, рассудим, как навсегда избавиться от заклятья Арея.

* * *

Уже Гелика опустилась низко, и женолюб Орион склонил над ней свои могучие плечи, Чернушка с Индикосом отправились почивать. Сон удаляет заботы, дарует советы прозорливца Онейра, но я в поучениях нужды больше не испытывал, и так уже сверх меры расстаралась в тот вечер говорливая жёнушка моя, посему - подставил макушку под холодную струю, отогнал прочь накатывающую дрему и, размяв затёкшие члены, двинулся по тропинке, мною же протоптанной за годы безбедные, что миновали с того дня, когда впервые открылись моему взору заснеженные вершины Амаранта.

Розовоперстая Эос погасила звёзды одну за другой, когда приблизился я к дворцовым стенам: Аэт - на кровле, у фонтана, дожидается появления огненной колесницы, приветственное слово готовит Гелиосу. Приметил меня зорким глазом, кулаком пригрозил, после указал на внутренний двор - жди, мол.

Есть страны, люди которых посвящают чуть ли не половину отпущенного им богами времени восхвалению тех же богов, особенно склонны к таинствам египтяне, халдеи. Колхи и греки схожи в одном: они больше тяготеют к тому, чем общение с бессмертными завершается - к хорошей пирушке, вот и взяли за обычай - молитву заканчивают, едва приступив. Не успел я отдышаться, преодолев крутые ступени - Аэт появился меж колонн, устал в руки в бока, заломил бровь: Ну, и где это мой стратег пропал? Слух пошёл - у дарданцев гостил. Что, по смолисту вину соскучился? Или какая смазливая дракониха объявилась в Троеде?

Под горячую руку нашего владыки пусть подпадёт мой злейший враг: глаза сверкают, ноздри играют, слова подобно стрелам жалят... тут, на моё счастье, тень упала меж нами, Аэт вверх поглядел, вторую бровь скобой сложил: Паскунджи над двором зависла, в когтях человек болтается. Снизилась, ношу осторожно уложила к ногам царя, поклонилась, отошла в сторону.

- Это ещё что? - У Аэта щёки багрянцем налились, жила на лбу вспухла. - К завтраку мне подношение? Может, ты чего напутала - я мертвечиной брезгую...

- Живой он, царь, - Паскунджи крылышки сложила, глазки потупила, невинную изображает, - струхнул, когда я его подхватила, оттого и сомлел.

- Да кто он таков, Тарос вас заberi, вот семейка помешанных на мою голову...

- Из касков, что страну тибаренов разорили уже, сейчас жгут дома халибов, умельцев твоих.

Аэт страшен стал на мгновенье, после разом лик успокоил, ткнул ногой пленника в бок:

- Каскейцы? Дикари голодранные осмелились моих людей тревожить? И много их?

- Много. - Паскунджи прилегла наземь: Прости, повелитель, с вечера порхаю, аки бабочка, устала. Все каски идут: воины, женщины, дети. С повозками - скарб свой везут. Поселения рыбаей предали огню, скот угнали. Орда на отряды поделена, цепью идут, от предгорья до берега морского. Этот, которого я умыкнула - из предводителей, несколько их, верхами - гоняют меж отдельными сотнями, командуют. Халибы отбиваются, как могут, но долго не продержатся, и половины мужей не наберётся против числа разорителей.

Пока дочурка моя рассказывала, царедворцы собрались. Аэт, не оборачиваясь, через плечо: Кто-нибудь, принесите воды, да побольше.

Стражники бросились исполнять. Тем временем царю кресло поднесли. Уселся Аэт, бороду тербит, размышляет. Доставили жбан с водой, по знаку владыки окатили каскейца. Тот заворочался, голову приподнял, узрел Паскунджи, взвыл и пополз к царю, распластался, ноговицы целует. Аэт пятку в хребет пленнику вдавил, склонился, прорычал: Понимаешь наш говор?

Вывернул несчастный шею, поглядел опять на похитительницу, закивал - лбом об камень бьётся.

- Как надумали, ничтожные, войной пойти на меня?

- Нужда заставила, Солнцеликий, голод. Руби мне голову, если такова твоя воля, только чудищу этому не отдавай...

Отпихнул Аэт червя ногой, промолвил брезгливо: "В темницу эту падаль". После ко мне взор обратил: Собирай, Колхей, своих псов. Справитесь сами, или поднимать ополчение?

Я оглядел небосвод, заметил вдалеке тёмное пятнышко, попросил повременить с приказом, дожидаться второй вестницы.

Усмехнулся Аэт, перст на меня наставил: Вижу, хитрец, не зря ты корабль гонял по волнам. Будь по-твоему, подождём.

* * *

Долго ждать не пришлось, прибыла Авпия вскоре. Спросила напиться, утолила жажду, пристроилась рядышком с Паскунджи, повела рассказ о том, как, добравшись до пределов страны тавров, заметила с высоты конников полчище, укрылась в зарослях на их пути и рассмотрела всё как есть: скачут по два десятка воинов в ряд, тьма их - дважды можно было бы опорожнить большой мех винный, прежде чем последний всадник миновал схрон разведчицы (Аэт, внемлющий чутко, прикинул на пальцах, покачал головой, стал слушать

дальше). У каждого - лук диковинного вида - концы на-
ружу загнуты, по два колчана, короткий меч. Одеты в шку-
ры: на спине, груди, на плечах, на шапках - бронзовые
пластины нашиты. Идут налегке - ни женщин, ни обоза.
Противления им никакого: тавры, зихи - загодя оставили
дома свои, скрылись в горах. К ночи остановились у
болот Тумусса, возле Вшивого леса: поили коней, жгли
костры, стряпали какое-то варево.

Аэт не утерпел, встал, начал меж нами вышагивать,
лоб морщил. Остановился, оглядел придворных:

- Что приуныли? Или неведомо вам - тот, кто надеется
зря на победу, со мною тягаясь, прахом своим удобряет
наши пашни обычно... зодчего моего сюда, живо,
конюха моего, хранителя оружейной, да пусть пук стрел
принесёт. Где управитель дворца?

- Здесь я, владыка,- всегдашний соперник мой в
застолье, носатый Лушни вышел вперёд.

- Вели запалить тревожные огни, созывай войско.
Отбери гонцов, не медля им следовать берегом Понта,
кричать мой указ: всем мужам при оружии поспешать
к Палеостому; малосильные, старики, жёны, дети
должны дома покинуть, укрыться в ущельях, вместе
с живностью своей. После - сестру мою Кирку найди,
предупреди - нужен воск, сколько наберёт. Ещё: сено -
стогами свозить сюда и на ладьях спускать к устью
Фасиса; сено сгрузив, по морю, к Моргу - земляное
масло заливать в меха и назад. Туда же весь запас
горной смолы, что есть в кладовых. Иди, время не
терпит.

Горбун зодчий появился, сообразил абакон прихватить;
установил столик, посыпал песком, разровнял. Следом
оружейник прибежал, протянул царю связку стрел. Аэт
переломил пяток, сложил в кулаке остриями наружу:
Всех кузнецов к делу, чтобы к утру вот здесь стояли
три дюжины корзин с такими ежами. У сестры моей
заберёшь воск, этих бездельников, - указал на челядь,
- отдаю под твоё начало: сюда, во двор, несите весь
запас стрел, принимайтесь вошить наконечники.

Смотритель конюшен появился, в бороде зёрна ячменя,
травинки пожелтевшие. Аэт глянул, повеселел: Из
одной кормушки с лошадьми подьедат? Скажи-ка мне
- сколько раз на дню по нынешней жаре надобно поить
коней в походе?

- Трижды, иначе падёж начнётся, - конюх на Солнце
указал, - распалился нынче Покровитель.

- Вот она, наша победа, - Аэт обломком стрелы
начертал на песке дугу - берег морской, с правой
стороны волнистые линии подвёл - реки обозначил:
Обоз за конницей не идёт, это значит - корма для
лошадей у них нет. Должны будут сегодня отойти от
болот, пустить коней на выпас. Двинутся завтра, с

рассветом; вскоре достигнут пограничья - Псах
обеспечит им водопой, после вступят на нашу землю.
Их десять раз по пятнадцать сотен, у Копэти такой
гурт не напоить - река разливается к этому времени,
едва жеребёнку копыта покроет. Сугум весь скалами
стеснён, не подойти к воде, придётся им обходить
мелководьем, по морю. К полудню Кодори им путь
преградит, вот и надумают дать отдых коням. Колхей,
ты дождёшься их там, ты и воины твои, и погоните вы
их дальше, вдоль отрогов. На Ингири - половодье,
много их в стремнине потонет; Хоб - болота до самого
устья, придётся им вновь морем обходить - корабелам
нашим потеха. А у Фасиса я их встречу, встречу по-
царски, надолго запомнят те, которые в живых оста-
нутся.

Аэт руки за спину заложил, вновь принялся двор мерить
шагами:

- Зять мой (Кирка - младшая дочь Аэта, женой царя
скилотов была), когда гостил у нас, рассказывал: степ-
няки побеждают, отступая, убегают от противника не
стыдятся; убегая, оборачиваются и пускают стрелы на
скаку, целят и по всадникам, и по коням. Как приметят,
что строй преследователей сбился, многие безло-
шадными сделались, обращаются вспять - кони у них
приучены без узды ворочать во все стороны - сра-
жаются храбро, разоряют и побеждают врага. Но и то
знаю: на скаку всадник навесную стрелу пустить не
горазд, бьёт на сто локтей, может, чуть дальше. По-
нял, стратег? - Аэт возле меня встал, - в рукопашную
не вступать, разить стрелами и гнать ко мне. С моря
тебе помогут и вдоль всего пути лучники затаятся.
Горбун, - Аэт к зодчему подступился, - плетёные щиты
нужны, в рост человека и широкие - щитоносец и воин
должны укрыться за каждым. Жителей города моего
отправляй лещину рубить, дай им повозки, месков,
пусть прутья везут на площадь; гонцов в ближние по-
селения - самых спорых плетельщиков сюда, спешно.
Подручных своих ставь приглядывать, сам возвра-
щайся с землекопами, у нас с тобой ещё заботы есть,
к месту встречи дорогих гостей направимся. Всё пока,
расходитесь и предупредите люд: ежели мои стражники
сегодня кого застанут за распитием вина - будут сечь
плетьюми, невзирая на чины и звания.

Разбежался народ, и юницы мои засобирались, да и
мне пора было приниматься за дело, но царь нас за-
держал:

- Постой, лукавец, может, ещё чем порадуешь? Больше
нечем? Хвала Гелиосу, и того уж достаточно, что есть.
Отправляйся к месту засады, осмотришь, после найди
меня, сообщи, что надумаешь. Если добром всё для
нас обернётся, а иначе и быть не должно, будет тебе и

семейству твоему от меня достойная награда за труды ваши и за верность, - дотянулся Аэт, Паскунджи поцеловал в горячий нос, после Авпию обнял, меня, шутя, кулаком в бок ткнул и к пристани направился: уже через миг слышен стал его рык над водами - рас-пекал кого-то нещадно.

Отпустил я детей отдыхать, сам разыскал Лушни-управителя - тот, весь в поту, по складам метался с помощниками - предупредил: нужны мне будут две сотни глиняных горшков, сера - столько, чтоб горшки эти заполнить и три мерки горной смолы (так колхи асфалтос называют). Тут лохаги мои объявились - послал я за ними ранее - получили приказ вести отряды к месту, где Кодори на равнину сбегает, становиться там лагерем, ждать моего появления. Полусотне воинов велел я повременить с выступлением, для них особое задание было: жители Эйи, кто порасторопнее, находят выгоду, сплавливая по Фасису от самого Сарпона товары иноземных купцов. Для этого изготавливают они такие челны: остов сплетают из ивовых прутьев, обтягивают плотными шкурами, швы защищают асфальтом. Челны получаются лёгкие - двое мужей без труда перенесут с места на место - груза берут до тысячи талантов, и мелководе им не помеха. Два десятка этих ладей забрали мы у старосты перевозчиков, загрузили, после разделились вояки мои: кто уселся в челны и повёл их к морю, кто берегом Фасиса последовал за караваном, ведя на поводу лошадь товарища.

Закончил я приготовления. Лететь на Кодори, дабы место осматривать, как Аэт повелел, нужды не было - и так каждое деревце в том лесу и каждый валун у берега знал наперечёт, посему решил прикорнуть после бессонной ночи где-нибудь в укромном уголке до вечера, а после разыскать царя для доклада.

* * *

Вырвавшись из ущелья, Кодори на два перегибистых потока разделяется. Суша меж ними, где расширяясь, а где сужаясь, на сотню стадиев тянется, пока не встретит её солёная морская волна. Кругом густой лес - стеной стоят могучие стволы; на острове - редколесье: печальные ивы склоняют к воде гибкие плети, да остролист меж ними топорщит колючую бороду. Правый поток стеснён корневищами - клокочет и пенится у отвесных промоин; второй - разливается вольно, песчаное ложе проглядывает сквозь радужную струю. От кром-

ки леса и до лёжбища Понта неширокий проход - лишь дюжина всадников бок о бок сумеет пробраться.

В предвкушении бранной потехи венком из побега тиса покрывают Керы обагрённое кровью чело; для выделки дальнеразящего лука срезают безлунной ночью упругий остов тиса оружейники колхи; из кудрей своих свивают женщины Колхиды прочную тетиву: страшен в бою тисовый лук, вестник смерти.

Над промоинами, по всей длине протоки, в густой листве затаились мои ратники с полными колчанами. Лошади укрыты за скальным изгибом, там же челны готовы к отплытию. В каждом с десятков горшков, наполненных серой вперемешку с горной смолой. И факелы припасены - поджигать ядовитую смесь, и Квирия-ветродув проявил свою милость; с утра не унимается порывистый Напиг. Ждём.

* * *

Первыми всполошились птицы, с криками взвились над пологом леса, кружили, не спешили вернуться под защиту ветвей. Следом от топота тысяч копыт задрожала земля, и дрожь эту переняли деревья. Дух разгорячённых коней покрыл аромат отцветающего разнотравья. Гости прибыли.

Без опаски, как в собственных угодьях, переправлялись всадники через первую протоку, спешивались, вели коней к пологому берегу, поить. Вскоре заполонили весь остров, чего я и дожидался терпеливо. Вот первая ладья, источая зловонный дым отдалась течению, за ней вторая, следом - третья. Порыв ветра отраву подхватил, расстелил низом; приподнялось марево, коснулось конских ноздрей, а позади, незаметные в кронах древесных, душегубы мои натянули тетивы.

Сколько степняков полегло на том острове, я не считал. Некогда было. Меж двух потоков носились обезумевшие лошади, стонали побитые стрелами люди, а я и подручные мои всё сплавливали новые челны, тыча факелами в горловины горшков. Но вот, враг, взбираясь на коней, начал уходить меж деревьев, пробираться сквозь подлесок к проходу вдоль моря. Вдогонку настигали их новые стрелы, падали киммерийцы наземь, как перезрелые плоды, давили их кони поспешавших следом...

Дым рассеялся, стрелки покинули верхушки деревьев, коноводы подоспели, подвели лошадей. Собрал я отряды на морском берегу, велел продолжить славный почин. Гон начался.

На перепутье эпох и культур. Закавказье, 1917 - 1921.

1

Война, бросившая в Закавказье вместе с армиями немало литераторов и художников, вслед за нею революция, задержавшая эти силы за рубежом, и, наконец, республики, возникшие в Закавказье, дали мощный толчок художественной жизни, породили самые разнообразные течения, создали новые издания, национальные искусства и театры.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ¹

Надо добавить, что сюда же идут волны беженцев, спасавшихся от революции и гражданской войны. Григор Робакидзе - первая фигура грузинского символизма - вспоминал: "Тбилиси - странный город, а в 1919-20 годах он стал еще страннее. Изгнанные и сбежавшие русские нашли здесь приют". И: "Тбилиси сделался фантастическим". Более того: "Тбилиси стал городом поэтов".² А кто-то из фигурантов этого процесса остроумно заметил, что тогда в Тифлисе звучали стихи на всех языках, вплоть до эсперанто и заумного*. Любопытный во всех отношениях и, в том числе в отношении полиязычия, пример дает сборник "Софии Георгиевне МЕЛЬНИКОВОЙ** фантастический кабачок". Явившись этапным экспериментом на пути типографских опытов Ильи Зданевича, повлиявших по мнению специалистов*** на образ всего печатного дизайна XX века, он стал своеобразным итогом тифлисского литературного карнавала 1917 - 1919 гг. Русский, в большем своем объеме, он включает также стихи на грузинском и армянском языках, опубликованные без перевода. Армянскую ипостась тут представил Кара-Дарвиш.

"КАРА-ДАРВИШ - псевдоним забытого ныне армянского поэта и журналиста**** Акопа Минаевича (Минасовича) Генджяна (1872 - 1930)³, жившего в Тифлисе и называвшего себя "восточным футуристом", - пишет о нем Александр Парнис⁴. Из воспоминаний - которых

* В периодике того времени, пестрящей сообщениями о перманентно идущих читках, прениях и диспутах, упоминается, что кроме русских, грузинских и армянских, звучали и азербайджанские, и персидские, и турецкие стихи.

** Мельникова София Георгиевна (1890 - 1980) актриса, считавшаяся музой левого крыла тифлисского Парнаса той поры.

*** См. по этому вопросу: Кричевский В. Типографика футуристов на взгляд типографа // Терентьевский сборник (второй). М. 1998. СС. 43 - 74.

**** Кара-Дарвиш занимается и переводами, и пишет прозу, в 1917 году в Тифлисе выходит его повесть "Скрипка жизни", а в 1928-ом роман "Канун дней" (на армянском языке)³.

сохранилось достаточно много - проступает эксцентричная и трогательная фигура. У этого "забытого ныне" персонажа обширный круг друзей, соратников, корреспондентов, среди которых Федор Сологуб, Давид Бурлюк, Томазо Филиппо Маринетти, Николай Кульбин, Маяковский, Каменский, Крученых, братья Зданевичи, грузинские символисты и, обобщая, вся тогдашняя тифлисская "интернациональная богема". Известен его графический портрет работы Маяковского и, что значимо, перевод стихотворения, выполненный Мандельштамом*. Кара-Дарвиш входит в тифлисский "Синдикат футуристов", позже преобразовавшийся в известную "Компанию 41°", ядром которой были А. Крученых, И. Зданевич и И. Терентьев**. В Тифлисе выходит весьма объемный машинописный сборник переводов его стихов на русский "Песни бунтующего тела", растиражированный, вероятно, гектографическим способом. Среди переводчиков Татьяна Вечорка, Колау Чернявский, Александр Хведченя и другие фигуранты тифлисского литературного интернационала.

Особый интерес у исследователей вызывает вышедшее в Тифлисе в 1918 - 1923 годах собрание его стихов на армянском и русском языках, отпечатанное на двенадцати почтовых открытках, снабженное отзывами о нем его друзей и коллег***.

* Александр Парнис: Стихотворение Кара-Дарвиша "Пляска на горах" - единственный известный на данное время опыт перевода Мандельштама с армянского, и его, по всей видимости, следует считать прологом армянской темы, которую в 1930 году поэт воплотил в знаменитом цикле стихов об Армении. (. . .) Некоторые образы из выполненного им перевода Кара-Дарвиша возникают и разрабатываются в его стихотворении *Концерт на вокзале*, написанном в том же году, и в позднем стихотворении *На мертвых ресницах Исакий замерз...*⁴

** "Компания 41°", являясь результативным фактом всего русского досоветского авангарда, исповедовала художественные идеи, близкие дадаизму. Специалисты находят в ее теории и практике параллели с началом дадаистического движения в Цюрихе, так же сложившегося в среде эмигрантской богемы, и сравнивают тифлисский "Фантастический кабачок" с цюрихским "Кабаре Вольтер", действовавшими практически в одно и то же время⁵.

*** Давид Бурлюк: "Кара-Дарвиш! Вы - весь Кавказ. Кавказ весь - Вы..."

Григор Робакидзе: "Кара-Дарвиш, полуденный пафос Востока - человек необычайной искренности, непосредственности и необычайного пафоса".

Узеир Гаджибеков: "Кара-Дарвиш талантливый поэт-певец загадочных красот жизни".

Василий Каменский: "Поэт Кара-Дарвиш - светлая, талантливая голова (автор "Свириели жизни"). Солнечный друг наших дней футуризма".

Игорь Терентьев:

"Слава стране,

Где ходит Кара-Дарвиш,

Похожий на Екатерину Вторую..."

Нино Макашвили: "Кара-Дарвиш был изумительный человек - много знающий, очень любящий и беспредельно наивный".

Кара-Дарвиш

ГОЛГОФА

"Голгофа... Как-то раз я видел сон.
 Шло на Голгофу множество племен.
 Кресты несут, и все они спешат.
 Огромный крест он поднял или малый, -
 Все тяжело, и падает усталый,
 Роняет крест и пятится назад.
 Толпа людей все более росла,
 Не многие достигли до предела.
 Пускай тот путь и труден, и тяжел,
 Не угасал никто, и каждый бодро шел.
 И если кто под тяжестью распятыя
 Надломится, могучие собратья
 Со словом бодрости подымут от земли,
 И снова шли, и беспрерывно шли.
 Звезда вверху Голгофы засветила,
 Вот, наконец, достигли высоты
 И на Голгофе сбросили кресты.
 И каждый взором землю обнимал -
 Ничтожен мир, и человек так мал.
 На мир внизу задумчиво глядя
 И друг на друга устремляя взгляд,
 В последний раз пожав друг другу руки,
 По всей земле их кучка разошлась.
 Обетованье было в их разлуке,
 И странная была меж ними связь,
 Безмолвное связало их пожатье,
 И клятвою они отныне братья."

Перевод Колау Чернявского

КТО Я?

Я - сумасбродный мечтатель, луна и созвездья - мой сон,
 Я - крепкотелый потомок гордых армянских племен,
 Страж неусыпный всех ценностей, я - анархист-демократ,
 Нет для меня иноземца - всем я товарищ и брат.
 Всем фарисеям я - деспот, лжецам я - жестокий сатрап,
 Только для праведных - голубь, дитя я, ягненок и раб,
 Я - футурист, я дроблю зацелованный глупый кумир.
 Вандал я, витязь, готовящий к чуду грядущему мир.
 Я - сумасбродный любовник, и тело избранных моих
 Жгу вождельем и страстью, желанный в альковах ночных.
 Я - призывающий к буре, волнующий сонную тишь,
 Я - ваш поэт, властелин и ничтожество, Кара-Дарвиш.

Перевод Татьяны Вечорки

ПЛЯСКА НА ГОРАХ

ночной хоровод

Посвящается ГР.РОБАКИДЗЕ

Не плач, не рыданье, не вопли крик, -
 Подари мне веселье и пиршества звон.
 Позабыть бы удары и смертный стон,
 Катафалков пух и умершей лик,
 Пустить по миру тяжелый дым,
 Развеять горечь дымных туч,
 И кто любим, и кто не любим,
 И кто повержен, и кто могуч.
 Побежденный, победитель - все прах и дым,
 Да пройдут они здесь, - мое сердце там,
 Забыть, забыть - уйти далеко
 К шарообразным легким мирам,
 По новым звездам взвиться легко.
 И только с тобой, только с тобой,
 Повелительница моей души,
 Атом крови моей огневой.
 Пойте мне песни, хоровод, пляши.
 Тризну на горах костей соверши.
 Пусть бесы топчут и воют глухо -
 Я слышу богов чародейный бег,
 На вершине гор рождение духа:
 Ночь разрезает человек.
 Жизнь вернулась, гроба раскололись,
 И славы былой поют руины.
 К нагорной крепости взмыл мощный голос:
 Все забыть и ринуться в звездные пучины!
 Через трущобы, туманной повитые пряжей,
 С посвистом адским уйдем на высокие кряжи.
 Все позабудем, забудем, забудем.

Перевод Осипа МАНДЕЛЬШТАМА

Предлагаемый далее текст Кара-Дарвиша из сборника "МЕЛЬНИКОВОЙ фантастический кабачок" представляет собой редкий в армянской поэзии того времени образец стихотворения, написанного на смеси зауми - десемантизированных звуковых рядов - и нормативной речи, чем активно пользовались тифлисские футуристы. Уникален и соответствующий шрифтовой набор, выполненный печатником Адрианом Терновым под "дизайнерским присмотром" Ильи Зданевича.

2

Со второй половины 1919 года значительная часть интернациональной поэтической вольницы, собравшейся в Тифлисе, перемещается в Баку. Сюда перебираются поэты Сергей Городецкий, Алексей Крученых, Григорий Робакидзе, Василий Каменский, Татьяна Вечорка, Юрий Деген, Михаил Струве, Александр Порошин, Рюрик Ивнев, Георгий Харазов, Нимфа Бел-Конь-Любомирская, Николай Семейко, художники Сергей Судейкин, Савелий Сорин и многие другие - портовый, нефтеносный, развитый в промышленном отношении Баку представлялся более надежным пристанищем с перспективой эмиграции через Персию и дальше.

Это сообщество пополняется одним из столпов русского символизма в лице Вячеслава Иванова и самым первым заумником и будетлянином, Велимиром Хлебниковым.

Литературная жизнь в Баку сосредоточилась вокруг образовавшегося здесь в конце ноября 1919-го "Цеха поэтов". "Когда в 1919 г. организовался "Цех поэтов", ... на открытых заседаниях бывало до 500 человек"⁶, - вспоминает Татьяна Вечорка.

С приходом советской власти деятельность "Цеха" прекращается, но культурная жизнь города отнюдь не замирает. Основные фигуранты литературного процесса - Городецкий, Хлебников, Крученых - сотрудничают с новой властью, преподает в университете и защищает здесь докторскую диссертацию Вячеслав Иванов. В 1921 году и отсюда начинается постепенный исход творческих сил.

Татьяна ВЕЧОРКА (настоящая фамилия Ефимова, по мужу Толстая, 1892 - 1965). Уроженка Баку, в детские годы переехавшая вместе с семьей в Тифлис, позже училась и работала в Петербурге, где дебютировала как поэтесса. Возвратившись в Тифлис в 1917 году, стала одним из самых активных участников его

Дружеский шарж на Татьяну Вечорку Сергея Городецкого с его же стихотворным экспромтом.

насыщенной культурной жизни, возглавляя, в том числе, тифлисский филиал петербургского литературного дружества "Альфа-Лиры". Она заметна и как докладчик, выступающий в артистическом клубе "Фантастический кабачок", центральной пропагандистской площадке "компании 41°". Кроме активной публикации в ведущих литературных изданиях Тифлиса, она выпускает Тифлисе два стихотворных сборника. Первая книжка "Беспомощная нежность" вышла на правах рукописи, затем последовал сборник "Магнолии".

Вернувшись в Баку в 1919 году, Вечорка активно работает в "Цехе поэтов", участвует совместно с Хлебниковым, Крученых и В. Муравьевым в автографированном сборнике "Мир и остальное" (1920), издает стихотворный сборник "Соблазн афиш" (1920). Название книге дал цикл стихотворений, впервые опубликованный все в том же тифлисском сборнике "МЕЛЬНИКОВОЙ фантастический кабачок",

Вошедший в сборник "Мир и остальное" цикл, посвященный супругу Борису Толстому, и по объему, и по стилистической и тематической целостности можно считать еще одной ее книгой. Перебравшись в Москву в начале 20-х, она участвует в работе Московского "Цеха поэтов", публикуется в сборнике "Цеха" "Стык". В 1927-ом выходит ее последняя стихотворная книга "Треть души".

1 Городецкий С. Искусство и литература в Закавказье в 1917 - 1920 гг. // Книга и революция №2, 1920. С. 12.

2. Робакидзе Г. Фалестра. Тбилиси. 1989.

3. Личный архив Кара-Дарвиша хранится в Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца в Ереване (ф.80, 1300 ед.хр.).

4. Парнис А. Заметки о пребывании Мандельштама в Грузии в 1921 году // L'Avanguardia a Tiflis. Venezia. СС. 215 - 218.

5. См. Изюмская М. "Альманах дада" // Альманах дада, М., 2000, с.146.

6. Толстая Т. (Вечорка) Воспоминания о Хлебникове // Арион, №2, 1996, с.104

*Она сидит, поднявши ручку.
И приспустив свое плечо.
Глаза сверкают горячо.
Видали ль вы такую штучку?*

22.IV. 1915.

Из альбома Т.Вечорки-Толстой.

Татьяна ВЕЧОРКА

Из сборника "МАГНОЛИИ"
Тифлис. 1918.

ПАРИЖ

В мельканье красочных афиш,
в дыму фабричного угара,
в огнях бессонного бульвара
живет взволнованный Париж.

Париж! на улицах твоих,
сквозь пышный тюль,
вуаль и блонды, -
поэт кует жемчужный стих,
ловя улыбку Джиоконды,

и над бульварной суетой,
под вскрик беспечного гамэна,
расплавить огненной мечтой
живые мраморы Родена....

ПАВЛОВСК

В лиловой мгле июньских вечеров
над цвелью риз зеленого пруда
в беседках, сотканных из роз и льда,
блестят фигурки мраморных богов.

Доносится до слуха слабый зов
далекой музыки. А иногда
промчится амазонка череда:
по рыхлой почве мягкий стук подков.

Плеск вод, разрезанных
веслом, ленив,
и в длинных волосах плакучих ив
грядущей ночи полог мутно-синий,
и, убежав от хладнокровной мисс,
в матроске мальчик лезет на карниз
и обнимает стан слепой богини.

* * *

Когда душа Сивиллы Вэн
Коснулась Дориана Грея -
Ее любовь была острее,
Чем светлого искусства плен.

Так я должна теперь молчать,
Приемля счастья неизбежность,
Не в силах с рифмой сочетать
Мою беспомощную нежность.

* * *

Где камень пылью вековой
молитвенно скрывает мгла,
где виноградный крест косою
святая Нина оплела,

где кровью плакала икона,
покорна вражьему мечу;
в соборе древнего Сиона
вонзаю в жертвенник свечу.

Перегибаясь за перила,
целую теплое стекло,
мне снова сердце обожгло
огнем звенящего кадила.

Из салонного АЛЬБОМА Веры Судейкиной-Стравинской

Сергею СУДЕЙКИНУ

Идет к мечтающей соседке
Поэт в цилиндре и плаще,
Но мадригал поет вотще
В тени подстриженной беседки.

Эрот боится бросить рану
В незашнурованный корсаж
Что над крахмалом тарлатана
Кружочком вскинуты румяна
И в бровках виден карандаш.

Бродя с каталогом в руках,
Мы ловим жизнь
в музейных гнездах,
И сладко плавают в глазах
Цветы в стеклянных парниках
И перепутанные звезды.

Савелию СОРИНУ

В снегах из ватманных экранов
Намечен мех и жемчуга
Сангина тусклых губ - легка

Хрусталь махровых глаз -
заманит!

Спокойно скальпель
кисти светской
Бесплотной силой ворожил,
Когда художник нерв души
Открыл почтительно и дерзко.

СОБЛАЗН АФИШ Из сборника "МЕЛЬНИКОВОЙ фантастический кабачок". Тифлис. 1919.

* * *

Внося во мрак партера синий
Торс, облитый серебром
Вливает в залу Folle arome
Аффектированной ванилью.

В бинокль вздрогнет bella donna.
Навылет раненный валет
Торопит вензельный лорнет
На ворс шантанного шифона.

Три раза выбритый супруг
Стоит, как выездной гайдук
Влача шеншель снегово-серый,
Оставив старый ресторан
Молчит, ревнуя, как Вулкан,
Неутоленную Венеру.

* * *

Замшей точеных ботинок
Занозив меха
Гималайских медведей,
Расплещет на диске пуфа
Власяницу дебютного платья.

Дегенератно-ломкими ногтями
Тревожа глазурь кулона,
Отразит глицериновым словом
Наступление желтых гусар.

* * *

В парчовом обруче
Краткого платья
Пройдет умная
Длинноногая крыса.

Путешествие Сергея Городецкого в Батум

Сергей Городецкий (1884 - 1967) в Закавказье - тема, требующая отдельного расширенного повествования. Его связь с Грузией и творческие рефлексии берут начало значительно раньше хорошо известного периода длительного пребывания и бурной деятельности в Тифлисе и Баку в 1916 - 1921 гг. "Муж моей сестры А.К.Васильев был главным архитектором города Тифлиса. [...] В его семье я гостил в 1902 и 1908 годах", - пишет он в своих воспоминаниях^{1*}.

Оставшись в Тифлисе после возвращения из Персии, где он находился, как фронтовой журналист газеты "Русское слово", Городецкий развивает интенсивную культуртрегерскую деятельность. В его активе учреждение и редактирование журнала солдатских стихов "Свободная песня" и сатирического журнала "Нарт", альманаха детского творчества "Райский орленок" и стихотворного сборника "АКМЭ". Особо следует отметить его редакторскую работу в журнале "Арс" и культурном центре при этом журнале "Артистериум". Кроме того, он читает курс лекций по эстетике в Тифлисской консерватории, участвует в бесчисленных мероприятиях, регулярно публикует статьи по литературе и искусству в местной периодике, участвует, как художник в выставках... Отдельными изданиями выходят его книги "Ангел Армении", "Анер и Монтана", "Судьба России", "Шофер Владо". А результатом "путешествия Сергея Городецкого в Батум" стал, изданный Батумским Армянским Издательством, коллективный сборник стихов и прозы "Джейран".

В 1919 году он переезжает в Баку. "Моя страсть к организации выявилась тут вовсю", - пишет он о своем пребывании в этом городе^{**}. Помимо литературной работы, и творческой, и поденной, он активно участвует в делах Бакинского "Цеха поэтов", ведет журнал "Менады" и соредактирует газету "Понедельник", организует выставки и участвует в них "вместе с художниками С.Сориним, С.Судейкиным...". После установления в Баку советской власти Городецкий служит заведующим Художественным отделом БаккавРОСТА, редактирует вновь созданный журнал "Искусство", выходивший на русском и азербайджанском языках, публикуется в коллективном стихотворном сборнике "Алая нефть".

Возвращаясь в Тифлис, следует особо остановиться на организованном Городецким здесь "Цехе поэтов", ставшим, несомненно, значительным конструктивным явлением в плотной и пестрой литературной реальности города того времени. "...Надо отдать ему должное, он сумел организовать настоящую школу поэтов. На еже-

недельных собраниях цеха все поэты читали свои произведения, каждое из которых "разбиралось по косточкам" и с точки зрения формальной, и по содержанию. Жестокая по беспристрастности и дружеская критика несомненно приносила большую пользу...", - вспоминал член "Цеха" Георгий Эристов. Но и: "Городецкий вообще любил позу, был напыщен, поверхностно болтлив и, признаться, мало симпатичен" ^{***4}, - пишет он же. Летом 1918 года "Цех" покидает группа молодых поэтов, недовольных диктатом мэтра и его отношением к футуризму. Под предводительством Юрия Дегена они образуют свой "Цех поэтов" при обществе "Кольчуга". К этому факту можно добавить и предположение, что подтрунивать над некоторыми чертами характера мэтра в среде тифлисской творческой молодежи было в обыкновении^{**}.

Брошюра "Путешествие Сергея Городецкого в Батум" вышла в Тифлисе в 1919 году в издательстве "Бескорыстное служение искусству", профанационно названное фразой, извлеченной из шаржируемого текста самого мэтра (см. ниже). Три автора брошюры не прятались за псевдонимами: Борис Корнеев, поэт и издательский деятель, Юрий Деген, поэт, прозаик и театрик и Сигизмунд (Зига) Валишевский, тифлисский художник, ставший позже классиком межвоенного польского искусства.

Полагаем, что нижеследующий материал не требует дополнительных комментариев, разве что стоит упомянуть о надписи, сделанной рукой поэта и библиофила Иосифа Гришашвили на экземпляре книжки, сохранившейся в его доме-музее, о том, что Сергей Митрофанович скупил весь тираж и сжег его.

Путешествие Сергея Городецкого в Батум

Борис
Корнеев
Юрий
Деген
Сигизмунд
Валишевский

Тифлис
1919

Путешествие Сергея Городецкого в Батум.
Тифлис. 1919. Обложка.

* Первые его стихи, посвященные городу на Куре, опубликованы в тифлисской газете "Закавказье" в 1907 году ².

** По этой же теме см. фельетон Василия Катаняна, Лист о.к. АБГ, №№ 5 - 6, 2011. С. 1-2.

1. Городецкий С. Жизнь неукротимая. М. 1984. С. 135.
2. По этой теме см. публикации: Элишбарашвили Н. С. М. Городецкий - художественный критик. // Литературная Грузия. 1978, № 9. СС. 125 - 133. Лакоба С. "Я слышу гул твоей земли..." // Литературная Грузия. 1983, № 8. СС. 218 - 221.
3. Городецкий С. Указ. соч. СС. 14, 15.
4. Эристов Г. Тифлисский Цех поэтов (из воспоминаний) // Журнал Современник. Торонто. №5, апрель, 1962.

**Борис КОРНЕЕВ, Юрий ДЕГЕН,
Сигизмунд ВАЛИШЕВСКИЙ**

**Путешествие Сергея Городецкого в Батум
"Бескорыстное служение искусству". Тифлис.
1919.**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Наше дело - самое скромное.

"Бескорыстное служение искусству", - вот слова поэта, которые мы взяли, как девиз своего издательства.

- Будем откровенны и произнесем вслух, - говорит в своей замечательной книге "Жрецы искусства" Джон Лонглей, - что необходимейшая пища каждого художника, артиста, поэта, это - популярность, достигаемая рекламой. Без рекламы гаснет зарождающийся талант, без рекламы умирает всякое художественное проявление духа... С таким, быть может, несколько вульгарным утверждением нельзя не согласиться. Истина всегда неопровержима и, именно, с этой точки зрения, единственной и непоколебимой, в данном случае, мы ищем общественного оправдания начинаемому нами делу.

Сергей Городецкий - отличнейший поэт, он многое дал и многое еще может дать. Нужно только поддержать его, нужно только не забыть своевременно дать ему то живительное и чудодейственное, имя коего - реклама! И мы это делаем, делаем бескорыстно, не щадя своих сил и затрат, делаем ради искусства!

Прочтите его скромное письмо, оставленное там, в Батуме! Общая признательность батумцем (банкеты, девушки, цветы и т.д.), на редкость предупредительное отношение английского командования и областного и городского самоуправления, общественных учреждений и организаций (кафе на Греческой улице, типография Шмаевского, армянский национальный совет и пр.), - неужели можно пройти мимо всего этого равнодушно, неужели можно замолчать такого человека!

Пусть враги искусства шипят, что ничего подобного не было! Мы им не верим! "Записками очевидца" мы окончательно сводим на нет всю эту злостную накипь. Все это было!

Все это так!

И скромнейшему из скромных посвящаем свою первую книгу!

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

Страничка автобиографии *

Милостивый государь редактор!

Уезжая из Батума, не могу не просить Вас разрешить мне со страниц Вашей газеты поблагодарить этот го-

род, в котором сердце такое же горячее, как и солнце, за то радушно внимание, которым я был облакан здесь.

Я благодарю о-во деятелей искусства "Оди" в целом и по секциям за ряд вечеров, которыми оно почтило мое присутствие; художественное о-во "Треугольник", в талантливой атмосфере которого я вспомнил творческий Петербург; смелый и дерзкий кружок "Э.Э." - эстетических экспрессов, в котором бродит идея нового театра; и армянский национальный совет и союз армянской молодежи, растрогавших меня своим теплым отношением, редакцию газеты "Наш Край" за внимательное отношение к моим выступлениям, администрацию театра Шмаевского за бескорыстное служение искусству; наборщиков его же типографии за сверурочную работу во время заготовки афиш; моих друзей Айдинова и Тагиева за ряд банкетов, которыми они меня почтили; владельцев Махинджаурских парков, позволявших мне рвать цветы охапками и писать этюды на их террасах; хозяев всех кафе в порту и на Греческой улице, без любезности которых я не мог бы работать с таким удобством на этюдах; девушек и детей, которые мне приносили цветы, и всю чуткую внимательную батумскую публику.

Не могу также не выразить своего удовольствия английскому командованию, батумскому областному и городскому управлению за порядок в городе и окрестностях, давший мне возможность безопасно бродить по ночам между Батумом и Махинджаури, наслаждаясь симфониями двух полушарий.

Сергей Городецкий

Борис КОРНЕЕВ

Записки очевидца

"Кричали женщины "ура"

И в воздух чепчики бросали".

1.

В июльские дни тысяча девятьсот девятнадцатого года на мою долю выпало счастье быть очевидцем пребывания Сергея Городецкого в Батуме.

Картина историческая.

Трогательная и потрясающая.

Я уверен, что только три события неизгладимо сохранит моя память.

Первые дни революции в Петрограде...

Вход Господень в Иерусалим и

Приезд Городецкого в Батум.

Поистине, в граде царило необыкновенное, невообразимое оживление.

Типографии работали ночи, печатающая афиши к предстоящим лекциям поэта.

* В форме письма в редакцию впервые напечатана в июле 1919 г. в батумской газете "Наш Край".

Театры забродили новыми идеями и бескорыстное служение искусству стало единственным девизом батумцев.

Работали днем и ночью!

Урочно и сверхурочно!

Администрация сбилась с ног!

Банкеты вновь обретенных друзей Айдинова и Тагиева не прекращались сорок дней и сорок ночей!

Говорят, что на память, в знак признательности, Городецкий оставил им по экземпляру своей книги "Ангел Армении"...

Всюду радость, всюду ликование...

Но что самое трогательное - это девушки и дети...

Сотни и тысячи их, из города и окрестностей, с громадными охапками цветов длинной, бесконечной вереницей стремились к Греческой улице, где в кафе, то в одном, то в другом, пользуясь любезностью хозяев, с "удобствами" работал над этюдами батумцев растроганный поэт... Долгое "ура" в течение нескольких дней не смолкало в порту...

Картина редкая...

Старики плакали.

А вечером, когда легкий ветерок солоноватой прохладой начинал ласкать утомленного поэта, на стоящих в порту кораблях зажигались разноцветные фонарики и темное небо прорезали фейерверки, унося туда, к небу, радость осчастливленных людей...

2.

К чести английского командования и Батумского областного и городского управлений нужно сказать, что за все это время порядок повсюду поддерживался образцовый.

Население Батума и окрестностей в эти дни сумело доказать свою организованность и, если хотите, дисциплину...

Правда, были единичные попытки со стороны некоторых эксцентричных дам вне очереди преподнести цветы солнцеликому поэту, но такое нару-

шение порядка в корне искоренялось репрессивными мерами.

Вообще, как уже было упомянуто, английское командование оказалось в эти дни на высоте своего положения!

В грязь лицом не ударило!..

3.

Письмо Городецкого, появившееся в батумских газетах, немедленно было передано по радио сильнейшего напряжения в Париж и Лондон, где состоялись в связи с этим грандиозные манифестации.

В политических кругах союзных стран письму этому сразу же придали чрезвычайное значение.

Обсуждению его было посвящено специальное заседание мирной конференции.

Полагаю, что теперь независимость Англии будет признана наверняка.

Фунты значительно поднялись в цене!

4.

Батумская Городская Управа собирается объявить конкурс по изготовлению проекта памятника поэту, который предполагается воздвигнуть на Греческой улице, самая же улица будет переименована в "Проспект Сергея Городецкого".

Железнодорожная администрация несколько обижена невниманием к ней Городецкого.

- За что такая несправедливость? - в недоумении спрашивают они. Мы ли не подвозили поезда с девушками и цветами? Мы ли не старались, чтобы без всяких крушений пропускать поезд Сергея Митрофановича? И, пожалуй, заявление это справедливо. Ведь сам начальник дорог, как передают, стрелки переводил!

5.

Теперь жизнь в городе снова входит в будничную колею.

Праздничный угар проходит и налицо уже признаки отрезвления...

В порту все успокоилось... Налаживается обычная работа. Трещат лебедки, слышны шум и говор...

А по вечерам, на пляже тихо тоскует одинокая особа с двумя полушариями, вспоминая, как угасшую мечту, милого поэта.

Юрий ДЕГЕН

Элегия батумцев

Нет! Не забудем, помним мы
Твой властный голос и медовый,
Игрушку - якорь, две тесьмы
Из-под штанов, как символ новый.

Еще мы помним меж зубов
В мечтах окуренную трубку,
Твой взор, что говорил без слов
И руку, емкую, как губку.

Но все же помним, о, матрос,
Всего мы больше длинный нос!

Сигизмунд ВАЛИШЕВСКИЙ

Иллюстрации очевидца

Сергей Городецкий
("В целом и по секциям")

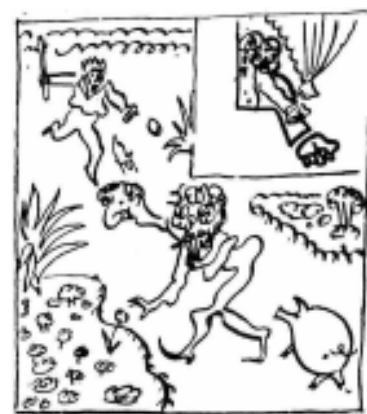
СМ. на обороте.

“...наборщиков его же типографии за сверхурочную работу во время срочной заготовки афиш”.

“...моих друзей Айдинова и Тагирова за ряд банкетов”.

“...владельцев махинджаурских парков, позволявших мне рвать цветы охапками...”

“...и писать этюды...”

“...хозяев всех кафе в порту и на Греческой улице...”

“Девушек и детей, которые мне приносили цветы...”

“Не могу также не выразить своего удовлетворения английскому командованию...”

“...наслаждаясь симфонией двух полнолуний”.

*Рубрику “Спецфонд” подготовили
Анна Шахназарова и Михаил
Ляшенко.*

*Редакционная коллегия благодарит
Алину Талыбову, Анну Полетаеву,
Елену Шуваеву-Петросян, Каринэ
Халатову, Сурена Петросяна за
помощь в составлении этого
выпуска, а также Ирину Элиозову,
Вано Берошвили и Николая
Ломидзе, оказавших нам
техническую поддержку.*

© Периодическое издание “Ассоциации литераторов - АБГ” и лито “МОЛЮТ О.К.” (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>

Редакционная коллегия:

Сусанна Армянян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Михаил Ляшенко.

Рукописи не горят, не возвращаются и не комментируются. При перепечатке материала ссылка на данное издание обязательна.